

АЛЕКСАНДРА СЕДОВА

СПАСАЯ ЖИЗНИ,
ОНА РИСКУЕТ
СВОЕЙ

КОГДА
НА КОНУ
ЛЮБОВЬ

ВНИМАНИЕ РАЗРЯД

МЕДИЦИНСКИЙ РОМАН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александра Седова

Внимание, разряд

<https://litres.ru/74280479>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга — погружение в мир скорой помощи без прикрас. Мир, где врачи не супергерои, а обычные люди, которые каждый день делают невозможное. Мир, где спасение одной жизни может обернуться войной с другой реальностью — жестокой, беспощадной, но от этого не менее настоящей. Здесь нет места романтическим иллюзиям: только адреналин, грязь, кровь, агрессия и та самая «определённая романтика», от которой невозможно отказаться. Но самое тяжёлое испытание ждёт впереди: встреча с криминальным авторитетом поставит Риту перед новым выбором, где на кону окажется не только карьера, но и жизнь. Книга бьёт наотмашь правдой о тех, кто каждый день спасает других, забывая о себе.

Тропы:

Очень откровенно

Эмоционально

Врач и криминал

Будни скорой помощи

Выбор между двумя парнями

Нездоровые отношения

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	41
Глава 6	56
Глава 7	67
Глава 8	89
Глава 9	100
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Александра Седова

Внимание, разряд

Глава 1

Рита

Утопая в чрезмерно мягком сиденье бархатного кресла, смотрю в объектив камеры и ловлю отражение моей белой блузки, что маленьким пятном мелькает в чёрном круге.

Выпрямляю спину, стараюсь не подавать виду, как сильно нервничаю.

Съёмки, интервью, камеры — это совсем не для меня.

Моё — спасать людей.

В рабочие часы я не думаю о том, как выгляжу, о грязи на штанах или крови на куртке. А сейчас, находясь под пристальным прицелом камеры, только об этом и думаю.

Поправляю прядь волос за ухо, прижав ладонь к груди, проверяю, не уполз ли вырез на блузке ниже приличного

уровня.

Руководство подстанции отправило меня представлять городскую скорую помощь на этом интервью, посвящённом недавнему теракту в торговом центре, не из-за профессионализма и опыта работы — я работаю на скорой всего два года, — а из-за внешности. Сказали, что моя милая мордашка подходит для телевидения.

Оператор двигает камеру ближе к моему лицу.

— Говорите как есть, люди должны знать, — подталкивает светловолосая девушка-интервьюер.

— В тот день, — начинаю я, подбирая слова, — мы приехали через семь минут после сообщения. Это было... как в кошмаре. Люди бежали, кричали, кто-то лежал на земле. Взрослые, дети, старики. Мы разделились на группы: одни — на эвакуацию, другие — на первичную помощь. Наша задача была осмотреть всех раненых, оказать первую помощь...

— Насколько мне известно, после работы на месте трагедии на вас поступило заявление в полицию.

— Да... — отвечаю, напоминая себе, что обещала быть

честной — в первую очередь перед собой, потом уже перед зрителями и перед руководством подстанции. Я знала, что этот вопрос будет, и мне уже сказали, что я должна ответить. — Так вышло, что первыми, кого я обнаружила, были молодая женщина и мальчик. Как оказалось, они не являлись родственниками. Во время взрывов и пожара люди бежали, не разбираясь, не глядя...

— Вы спасли ребёнка, верно?

— Да. Я осмотрела женщину и мальчика. Время шло на секунды, и я приняла решение заниматься ребёнком. Я доложила в рацию о том, что обнаружена женщина, передала о её травмах коллегам — всё по протоколу. Но я не могла отойти от ребёнка. У мальчика было осколочное ранение в шею, разрыв артерии.

— Правильно ли я вас понимаю: если бы вы оставили ребёнка, то он бы не выжил?

— Верно.

— Знали ли вы, что женщина, которую вы оставили, являлась супругой депутата Останина?

— Нет. Даже если и знала бы... Для меня все пациенты

равны, мне не важно, кто чья дочь, жена, брат, сват. Я просто делаю свою работу. На тот момент мальчик нуждался в помощи больше, чем супруга Останина. — Осекаюсь, потому что такое нельзя говорить. Меня засудят за то, что я осознанно делала выбор между двумя ранеными. Начнутся проверки, будут выяснять, по каким критериям я оценивала состояние обоих пострадавших и почему я решила, что именно пацан нуждается в помощи больше. Мне нечем крыть. В тот момент над профессионализмом верх взяли эмоции. Я выбрала спасти ребёнка, понимая, что женщина не доживёт до больницы без моей помощи. Это был осознанный выбор. За который мне приходится расплачиваться.

— Вам было страшно работать на месте теракта?

— Нет, — честно, без запинки. — Это моя работа, закреплённый алгоритм действий. Страшно было потом, дома. Когда прокручиваешь в голове события, последовательность действий, вспоминаешь лица людей — напуганных, но живых, и тех, кого не успели спасти. Начинаешь думать о том, что у них есть семья, что их ждали дома. Что кто-то просто пришёл за новогодним подарком и теперь больше никогда не вернётся домой.

Интервью заканчивается. Мне хлопает вся съёмочная площадка, кто-то протягивает бутылку воды.

А у меня горло сдавило спазмом, потому что я не всё рассказала и никогда не расскажу. Потому что некоторые моменты настолько ужасные, что должны сохраниться только в моей памяти, не травмируя остальных.

Выхожу на улицу прямо в блузке, без верхней одежды, несмотря на зимний мороз. У входа дежурит карета скорой помощи — мой кабинет, комната, спальня и надежда пациентов на чудо.

Подхожу, дверь изнутри открывает Сашка, молодой фельдшер. Он сегодня первый день с нами.

Запрыгиваю в машину. Сашка выходит, пересаживается к водителю Антону, чтобы я могла переодеться.

Меняю одежду для интервью на медицинскую униформу: тёплый синий костюм из ватных штанов и огромной куртки.

— Как прошло? — спрашивает Антон. Работает на скорой водителем больше, чем мне лет. Мне повезло, что нас собрали в одну бригаду. Хоть один из нас, ещё зелёных и неопытных, знает свою работу на отлично.

— Норм, — отвечаю, беру в руки рабочий планшет, на

котором уже высвечивается новый вызов: «Женщина, 57 лет, боли в груди, потеря сознания».

— Саня, давай сюда, готовь чемодан. Антон, Северная, 3,
— командую.

Фельдшер пересаживается ко мне, со страхом смотрит на медицинский чемодан, словно тот сейчас начнёт задавать экзаменационные вопросы по анатомии.

— Сань, ты в порядке? Вид у тебя, будто сейчас сам в обморок грохнешься.

Он вздрагивает, пытается улыбнуться:

— Да нормально... Просто первый выезд с вами. Волнуюсь.

— Волноваться будешь после, — бросаю, проверяя укладку инструментов. — Сейчас — слушать, смотреть, делать. Вопросы потом.

Я пробегаю взглядом по приборам: дефибриллятор в норме, пульсоксиметр заряжен, запас физраствора и адреналина на месте. В голове всё ещё звучат вопросы журналиста: «Как вы справляетесь?», «Что вас держит в этой работе?».

Что держит?

Вот это!

После своего первого вызова я бежала со слезами в кабинет к главному писать заявление об увольнении. Врач, что был тогда в бригаде главным и учил меня всему, посоветовал не торопиться, отработать хотя бы год, набраться опыта. Я послушалась. За первый год хотела уволиться раз пятьсот. А потом втянулась.

Работа на скорой — это не просто помощь людям, романтизированная добрыми сериалами об отважных врачах, спасающих жизни. Это адреналин, это опасность, это видеть другую сторону жизни людей, бывать в их домах — а не у всех в доме чисто и приятно пахнет, — встречаться с агрессией и смертельной опасностью. Не раз мне угрожали. Не раз грабили. Не раз нападали. Не раз я была свидетелем убийств. Я видела человеческие внутренности, разmozжённые мозги, выпущенные кишки, пульсирующие вены. Меня пытались изнасиловать. Пытались заставить за деньги воскресить наркомана. Писали жалобы за грязную обувь, не понимая, что такое регламент, запрещающий врачам скорой разуваться. Писали жалобы, благодарили, пытались купить или отблагодарить. И это всего за два года работы.

Когда мне предложили уйти в краевую больницу на должность врача-терапевта, я отказалась.

Потому что уже подсела. Потому что во всём этом есть определённая романтика, эксклюзивный кайф. Если подсел — сложно соскочить. Поэтому люди продолжают работать на скорой, несмотря на мизерную зарплату и опасность. Такая работа — по любви.

Машина трогается. Впереди — очередной адрес, очередная жизнь, которую нужно успеть.

— Давление? Пульс? Сатурация? — начинаю перечислять, чтобы ввести Санька в рабочий ритм. — Ты отвечаешь за мониторинг. Если что-то не так — сразу говоришь. Никаких «кажется» или «может быть». Только цифры.

Саня кивает, сглотнув. Берёт пульсоксиметр, начинает настраивать.

— Сань, не забудь: сначала — АВС (airway, breathing, circulation), потом — всё остальное. Понял?

Он снова кивает, на этот раз увереннее.

— Понял.

Глава 2

Рита

— Женщина, успокойтесь! — строго повысив голос, пытаюсь усмирить дочь пациентки. Та только мешает: тараторит без остановки, паникует, каждое моё действие комментирует, добавляя: «А вот Ганышина в программе говорила...», — ссылаясь на телепередачу, созданную псевдодоктором Ганышиной Ириной. Эту актрису и шоуменшу уже все врачи ненавидят. Мало людям интернета? Любую болячку гуглят, сами себе диагнозы ставят, сами анализы сдают, сами расшифровывают, а потом скорую вызывают, потому что с какого-то хера их лечение не помогает. Так ещё и эта Ганышина со своими советами о здоровье...

— А вы почему до сих пор на аппендицит не проверили?! — суетится дочь пациентки. — Ганышина говорила, что при аппендиците такие боли бывают!

Как жаль, что врачам запрещено бить людей. Я бы ей всыпала пару раз — просто чтобы отрубилась хотя бы на пару минут и не мешала.

Лучшее, что могут сделать родственники пострадавших,

— это отойти в сторону и не мешать врачам делать свою работу. Трезво и чётко отвечать на вопросы, если врач задаёт, — и всё. Вы вызвали помощь — дальше моя ответственность.

— Саш, что по приборам? — игнорирую надоедливое гудение истерички.

— Остановка, — сообщает фельдшер, вытянув ленту ЭКГ.

— Как остановка?! Делайте же что-то! Что вы стоите?! — орёт женщина. — Спасите мою маму! Вы же врачи! Вы клятву давали!

В нашу клятву не входило воскрешать умерших, но мы пытаемся.

Действую по алгоритму сердечно-лёгочной реанимации (СЛР). Саня на подхвате: теряется немного, руки дрожат, но выполняет всё, что говорю. Проводим закрытый массаж сердца, обеспечиваем проходимость дыхательных путей, подключаем аппарат ИВЛ, вводим адреналин по протоколу.

Не помогает.

Ещё раз.

Всё без толку.

Фиксирую время смерти, смотрю на Саньку. Парниша еле живой, ещё не верит, что люди вот так просто умирают.

А ведь не просто, Сань. Судя по словам дочери пациентки, её маме стало плохо ещё ночью. Но вместо того чтобы вызвать скорую, она дала ей таблетку от давления, как учила Ганьшина. Потом делала массаж и поила сердечным чаем. А теперь с пеной у рта обвиняет меня в том, что я не всесильна и не могу вернуть её маму с того света.

Меня тоже потряхивает. Не люблю такие моменты. До жути не люблю. Это всегда тяжело, всегда чревато разбирательствами, проверками и бумажной волокитой. Но главное даже не это. А то, что я не смогла. Мы, врачи, хоть и понимаем, что не боги, но всё же всегда в глубине души надеемся на свои силы и чудо.

В этой ситуации мне больше всех жалко Саньку. Первый выезд — и летальный исход. Первый выезд, как первый секс, не забывается.

Я свой точно никогда не забуду. Тоже было «весело»: по-

пали на пьянку с ножевым ранением, где убийца сам вызвал скорую, а потом угрожал нам окровавленным ножом, чтобы мы воскресили его товарища, потому что он не хочет в тюрьму.

Оставляем женщину ждать специальную машину для транспортировки трупов.

Спускаемся на улицу, выходим из подъезда. Санек закуривает сигарету, стеклянными глазами смотрит под ноги. Молчит.

— Сань, это жизнь, — хлопаю его по плечу.

— Мы могли её спасти? — с надеждой на отрицательный ответ. Иначе загрызёт себя чувством вины до смерти.

— Комиссия разберётся, — отвечаю. Проверки не избежать в любом случае.

— Но ты сделал всё, что от тебя зависело, — насильно вбиваю в его молодую голову. — Я — врач, ты должен был следовать указаниям, и ты хорошо с этим справился.

Даже если впоследствии окажется, что я была неправа и что-то сделала не так, это будет на моей совести. Не хочу,

чтобы парнишка винил себя.

— Ты так просто об этом говоришь! — психует фельдшер.
— Человек умер! А ты как машина: о комиссии, об алгоритмах...

— Сань, если я буду страдать сейчас и убиваться, как ты, то мы не успеем к следующему пациенту. Запомни: на работе — действуем. Дома — думаем и переживаем.

Вижу в его глазах разочарование — в себе, во мне, в профессии. Переубеждать и что-то доказывать бессмысленно. Каждый через это проходит. И каждый делает выводы. Кто-то наконец понимает, что работа на скорой — не для него. А кто-то, наоборот, понимает, что это часть профессии, и становится сильнее.

Только садимся в машину — Антон по нашим лицам всё понимает. Молча заводит «карету», трогается со двора. Поджав губы, смотрит на Саньку. Переживает за пацана. И за меня. И за родственников пациентки. Сколько бы лет ты ни работал на скорой, всегда сложно при встрече со смертью.

И каждый справляется с этим по-своему. Кто-то бухает после дежурства. Кто-то ходит к психологу. Кто-то находит утешение в близких людях. А я... Меня спасает секс.

Не успеваем отъехать от дома, как поступает новый вызов: «Мужчина, 34 года, с множественными ножевыми ранениями, без сознания, на автобусной остановке».

Приезжаем быстро. Через пару минут подтягивается полиция. Опрашивают прохожих, отгоняют от раненого зевак.

С полицией я чувствую себя увереннее. Искренне считаю, что на все вызовы вместе с бригадой должен ездить хотя бы один сотрудник правоохранительных органов с оружием.

Осматриваю пациента: разрезаю пропитанный кровью свитер, исследую ранения. Крови много, толком ничего не видно. Пульс есть — слабый, но есть. Оцениваю степень кровопотери, проверяю проходимость дыхательных путей, фиксирую уровень сознания по шкале Глазго.

Грузим его в карету на носилках. Парень в полицейской форме помогает закатить носилки в машину, улыбается мне.

Ничего такой, симпатичный.

— Куда повезёте? — спрашивает, отдавая меня облаком пара изо рта.

— В хирургию на Уткинской, — отвечаю.

Не до флирта. Торопиться нужно. Каждая секунда на счету.

— Слышь, малая, набери после дежурства, — сует в мой карман свёрнутый листок бланка для протокола с написанным номером телефона.

Прыгаю в карету, возвращаюсь к пациенту. Мигалки, сирена — погнали. Только бы довезти.

Вторая смерть за смену — это слишком даже для опытных врачей, а я просто девчонка! Просто врач! И я так же боюсь — не меньше, чем Санек.

Мне было проще работать в бригаде с опытным врачом с большим стажем, но из-за недостатка кадров бригады формируют из того, что есть. Часто отправляют на смену одного фельдшера с водителем или одного врача. Желających возиться в грязи на улицах, работать с бомжами, спасать алкашей и наркоманов с каждым годом всё меньше. Небольшая прибавка к зарплате не способна смотивировать людей отказать от чистых частных кабинетов в платных клиниках ради работы на скорой. Тут остаются только больные своим делом.

Передаём пациента в приёмное отделение. Оформляем сопроводительную документацию, заполняем карту вызова, указываем проведённые манипуляции и введённые препараты.

Санька ждёт, не уходит. У нас всего несколько минут на обед до следующего вызова, а он стоит истуканом в приёмном.

— Сань, пошли! — поторапливаю.

— Я хочу узнать, спасут ли его.

— Сань, мы свою работу выполнили. Поехали! — приходится прикрикнуть, чтобы привести парня в чувства. — Завтра позвонишь, узнаешь, — слегка смягчаюсь.

Знаю, что некоторые так делают — когда пациент западает в душу. Такое бывает редко, но бывает. Случается, когда пациент чем-то напоминает знакомых людей: может, одеждой, фигурой, речью, рассуждениями. Тогда сложно сохранять холодную голову, тогда ты уже видишь в нём не просто работу, а душу. Иногда за пару минут в машине скорой помощи пациенты становятся родными. И тогда сложнее — во всём.

Всё-таки удаётся увести парнишку из больницы.

Антон везёт нас в шаурмечную у кинотеатра. Там продают вкусные домашние пирожки и вкусный кофе. Ехать на подстанцию, чтобы поесть по-человечески, сегодня нет желания. Свой обед мы уже пропустили, пока спасали раненого.

Встаём все втроём за высоким круглым столиком на улице возле ванночки, уплетаем горячие пирожки, запивая кофе. Санек не ест — только курит и кофе потягивает. Антон принимается его подбадривать, убеждает, что не каждый день так, что бывают спокойные смены.

А я достаю телефон, вбиваю в контакты номер полицейского. Пишу ему сообщение. Он отвечает сразу, заходит с тупых подкатов, ещё не подозревая, что я для себя уже всё решила и хочу понравиться.

Улыбаюсь, увлеклась перепиской.

Санек недоумевает, как можно улыбаться. Буравит меня осуждающим взглядом. Хочет думать, что он правильный, что он хороший, что ему не чужды чужие переживания. Все так сперва думают. И я так же думала в первые месяцы работы. И тоже осуждала врачей, которые, выходя от тяжёлых

больных, запевали весёлые песни в машине и обсуждали новый рецепт оливье.

Но нужно уметь абстрагироваться. Научиться разделять работу и личную жизнь. И не тащить переживания, боль, скорбь посторонних людей в свою жизнь. Для людей есть только их переживания. А у врачей скорой таких ситуаций за один день может быть огромное количество. И если каждый случай воспринимать близко к сердцу, то можно не жить вообще. И никого не спасать. Поэтому в моём безразличии таится ключ к спасению пациентов.

Санек ещё поймёт. Если решит остаться и продолжить работу на скорой.

Новый вызов не заставил себя ждать: «Мужчина, 34 года, поскользнулся у магазина».

Бросаем недопитый кофе, оставляем недоеденные пирожки, личную жизнь, сомнения — прыгаем в машину, мчим на вызов.

По пути быстро оцениваю ситуацию по краткому описанию в планшете. Вероятнее всего — травма опорно-двигательного аппарата: ушиб, вывих или перелом. Но нельзя исключать и более серьёзные повреждения: черепно-мозговую травму при падении, внутренние кровотечения, поврежде-

ния внутренних органов.

Одновременно с этим пишу ответ Мише (полицейскому).
Времени на долгие притирания у меня нет, поэтому сразу, в лоб, по-взрослому:

«Проспект Красоты, дом 156, квартира 78. 22:00. Не опаздывай, иначе усну».

Глава 3

В моей трёхкомнатной квартире свет зажигается редко. И то — только в одной комнате, в моей спальне. Квартира досталась мне в наследство от бабушки, и это стало одним из ключевых моментов в выборе профессии. Потому что у меня нет острой необходимости рвать жилы, чтобы заработать на собственное жильё.

Многие врачи уходят из государственных учреждений в поисках лучшей оплаты своего труда — чтобы обеспечить семью, чтобы купить жилплощадь, влезть в ипотеку. У меня нет семьи. Поэтому зарплаты врача скорой помощи хватает на базовые потребности. А на остальное у меня просто нет времени.

Обычно, приезжая домой с работы, я принимаю душ и ныряю под одеяло, чтобы выспаться до следующей смены. Редкие выходные трачу на просмотр новых сериалов или на встречи с друзьями. Скудная, обычная жизнь врача скорой помощи. Большого не надо.

Выйдя из ванной, проходя мимо запертой двери одной из комнат в коридоре, останавливаюсь всего на несколько секунд. Душевный порыв зайти тянет, как магнитом.

Нет. Не сегодня.

Звонок в дверь — как раз вовремя. Спасение. Лишает шанса утонуть в мыслях и встретиться с мясорубкой, кроме

сающей душу и тело в фарш.

Открываю дверь в полотенце, не удосужившись даже надеть халат. Какая разница, если всё равно через пять минут оно слетит.

Миша — в гражданском: в тёплом чёрном пуховике и джинсах. Принёс с собой бутылку вина, фрукты и морозную свежесть с улицы.

— Проходи, — забираю из его рук вино и пакет.

Пока парень снимает верхнюю одежду, мою и нарезаю фрукты, беру тарелку с нарезкой, пару бокалов и несую всё это в спальню.

На окне вместо шторы мерцает тёплым жёлтым светом новогодняя гирлянда. Праздник уже позади, но я не тороплюсь расставаться со сверкающей атрибутикой Нового года. Свет гирлянды заменяет мне ночник и потолочное освещение. Люблю, когда темно или хотя бы сумрачно.

Ёлку в этом году не ставила. Как и три года подряд. Поэтому гирлянда на окне — это всё, что в моей квартире напоминает о прошедшем празднике.

— Одна живёшь? — Миша проходит в комнату, осматривается.

— С родителями, — вру. — Приедут утром, так что у нас мало времени.

В свои тридцать я выгляжу как потрепанная жизнью школьница. Низкая, худая. В свободное от работы время одеваюсь безобразно, как подросток во время депрессии. Но

вот глаза — чаще всего не выпавшиеся, с отёками и мелкими морщинками — всё же выдают мой возраст.

Парни этого не замечают, они редко смотрят в глаза, и легенда о том, что я живу с родителями, выглядит правдоподобно. Она нужна мне, чтобы избежать долгих проводов по утрам. Ночные гости чаще всего боятся встречи с родственниками и сами спешат покинуть мою территорию.

— Хочешь, я тебя удивлю? — растирая ладони друг о друга, чтобы согреться после улицы, спрашивает Миша.

— Очень на это надеюсь, — улыбаюсь, подходя ближе.

На парне колючий болотно-зелёный свитер с горлом — отталкивающий, угрожающий нежной коже неприятными ощущениями.

Касание колючей шерстяной ткани заставляет всё тело покрыться мурашками, дрожь возбуждения мгновенно пробивает до кончиков пальцев.

Без формы Миша — обычный парень лет двадцати шести. Симпатичный блондин с серыми светлыми глазами. Широкий волевой подбородок с ямочкой посередине, ярко очерченные квадратные скулы, прямой нос. В моём вкусе.

Мне нравится, когда от мужчины несёт мужиком. Грубым, первобытным, естественным. И этот дурацкий колючий свитер располагает к тому, чтобы отдаться его хозяину.

— Ты живёшь одна, и у тебя давно нет родителей, — заявляет парень, блеснув дедуктивными способностями.

— Как ты узнал? — снимаю полотенце, откидываю его на

кровать.

— Во всей квартире только одна жилая комната — эта. В прихожей одна пара зимней обуви. Нет шапок, шарфов, перчаток. Ни мужских, ни женских. Это говорит о том, что ты не любишь выходить из дома. Всё своё время проводишь на работе, а дома только спишь и смотришь телек, — продолжает парень, пожирая взглядом моё обнажённое тело. Его всё ещё холодные руки прижимаются к моей коже. — Пульт от телека — единственное, на чём нет пыли. А ещё ты любишь грубо, без прелюдий. Чтобы не тратить время, потому что уже через час начнётся сериал для домохозяек — о счастливой семейной жизни, которой у тебя нет.

— Хам! — замахнувшись, бью пощёчину, поддавшись эмоциям.

Миша ловит мою руку, сжимает за запястье. Крепко, почти до боли. Напрягает челюсть — желваки округляются. Второй рукой обхватывает за талию, прижимает к своему колючему свитеру. Я ощущаю каждую грубую шерстинку, что иголками впивается в чувствительное тело.

От волны накатившей страсти приоткрываю рот, ловлю его голодный, жадный поцелуй.

Горячий язык врывается резко, нагло, без шансов на спасение. Холодные мужские губы, ещё пахнувшие зимней стужей, берут в плен мои мысли и желания.

Оторвавшись от губ, Миша толкает меня на кровать, наваливается сверху, кусает шею, целует плечи. Сжигает ладо-

нями кожу, подминая меня под себя, даря сладкую ноющую боль, расползающуюся горячим возбуждением по всему телу.

Теперь его колючий свитер дико бесит.

— Сними эту мерзость, — приказываю шёпотом.

Парень стягивает свитер, выворачивая рукава, швыряет его в сторону. Следом летит майка. Опер оказался в отличной физической форме. Гладкая кожа, упругие мышцы. Возбуждает, дарит эстетическое и тактильное удовольствие.

— Гражданин начальник, не так грубо! — морщусь, когда его зубы слишком сильно прижимаются к нежной коже. — Ты не на задержании!

Он улыбается, сбавляя напор, ласкает губами, целует, спускается ниже. Тёплое мерцание лампочек разливается по его красивому телу.

Меняемся местами. Жадность берет верх, и я растворяюсь в откровенных ласках, касаясь губами его дыхания, пресса, ощущая, как от каждого движения парень теряет контроль.

Но напор оперу быстро надоедает. Применив силу, он переворачивает меня на кровать, прижимает своим телом и накрывает невероятной, дикой волной страсти. Кусает и целует моё плечо. Я теряю связь с реальностью, накрываемая первой волной удовольствия, а он наращивает темп — с таким напором, что вся кровать гремит и трясётся.

Эта поза надоедает мне. Не нравится долго лежать, как преступник при захвате — мордой в покрывало.

— Гражданин начальник, опустите, я не виновата, — смеюсь сквозь рычащие стоны, вырывающиеся из горла.

Он поднимается, не разрывая нашего тесного контакта, и, обнимая моё тело двумя руками, увлекает за собой. Мы оба на коленях. Он продолжает двигаться в неистовом ритме сзади, сжимая мои плечи и грудь, вжимая в своё сильное мужское тело моё горячее, влажное от пота тело. Прижимает мой затылок к своему плечу.

Я чувствую его мокрый тёплый язык на мочке уха, а его пальцы властно находят мои губы, заставляя задышаться от наслаждения. Затем его ладонь смещается ниже, даря до безумия точечные, беспощадные ласки. Тело дёргается, как от ударов электричеством.

Чистый восторг. Рот горит от возбуждения и желания.

Мычу от захлестнувшего меня мощного оргазма, обильно и с головой отпуская все проблемы и нервяки за прожитый день.

— Давай, заканчивай, — прошу, когда он чуть замедляется.

— Сериал начинается? — усмехается, не думая останавливаться.

— Да, — признаюсь.

— Потом в интернете посмотришь. — Кусает моё плечо, целует место укуса и снова опускает меня на покрывало.

Он накрывает меня сверху, сжимая бедра, оставляя горящие отметины от пальцев на коже.

— Заканчивай, — поторапливаю, сминая в руках одеяло.

— Я не хочу торопиться, — улыбается, растягивая удовольствие.

Миша переворачивает меня на спину, даря невероятно чувственные, глубокие ласки губами по бёдрам и животу, сводя с ума. А затем снова сливается со мной воедино, вбивая каждый толчок до самого предела. И только спустя время содрогается всем телом, прижимая меня к кровати, зажмурившись, сопит, раздувая крылья прямого носа, после чего перекачивается на спину.

Не планирую затягивать со знакомством. Я получила, что хотела. Теперь хочу спокойно посмотреть свой сериал и поспать. В одиночестве.

— Служивый, говорят, вы можете одеться, пока горит спичка? — спрашиваю, заворачиваясь в одеяло, вытаскивая из-под парня другую сторону.

— Намёк принял, — поднимается на ноги.

Быстро одевается, натягивает обратно свой колючий свитер.

— Когда у тебя выходной? — улыбкой пытается продавить мою отстранённость, застегивая ремень.

— Через год, — лениво, с безразличием. Взглядом поторапливаю, чтобы скорее проваливал.

— Я ведь всё равно узнаю, — улыбается ещё шире.

Приставучий какой.

— Ну как узнаешь — напишешь. — Иду к двери, одеяло

волочится по полу.

Миша идёт следом, накидывает на плечи пуховик, застёгивает молнию.

— Как сериал называется?

— Не твое собачье дело, — отвечаю, щёлкая замком и открывая дверь.

— Ещё увидимся, — выходя в коридор, чмокает меня в щёку. Обдав напоследок запахом страсти и свежего секса.

Закрываю дверь, защёлкиваю замок, возвращаюсь в комнату.

Включаю телек, открываю нетронутую бутылку вина.

Если не считать груза на душе, с которым приходится жить ежедневно, то вечер получился вполне приятный.

Глава 4

Рита

В столовой на подстанции сегодня утром — необычайно шумно. Врачи, фельдшеры и даже несколько сотрудниц из диспетчерской эмоционально обсуждают череду вызовов к раненым мужчинам.

Кого-то обнаружили в лесополосе с огнестрельным ранением. Кого-то — как мы вчера — с ножевыми. За прошедшие сутки количество жертв возросло до тридцати человек, из которых выжил лишь один. Тот самый, за кого Санька переживал, словно за родного.

— Страшно теперь на улицу выйти! — сетуют девушки.

— Как в 90-х, беспредел какой-то! — выкрикивают мужчины.

— У меня зять в полиции работает! — повысив голос, чтобы привлечь внимание коллектива, громко заявляет Лариса Аркадьевна (врач-педиатр). — Так он и говорит, что власть в городе меняется! Идёт зачистка: одна группировка пытается подмять под себя другую. Так что это всё — бандиты. Нам

бояться нечего, они простых людей не трогают.

— А бандиты, по-вашему, не люди? — подаёт голос Санек. Он стоит у стола с микроволновкой, опершись о него поясницей и сложив руки на груди. Я рада его видеть. Всегда приятно, когда люди остаются в нашем, мягко говоря, ненормальном отряде по спасению жизней.

— Ой, Санька, мал ты ещё! — отмахивается от него педиатр. — Бандиты в нашем городе всегда были и будут. Потому что живём мы далеко от столицы — дотуда новости не доходят, только то, что губернатор лично докладывает. А по его докладам у нас одна беда — дороги! Выбивает средства на ремонт. Видимо, его жена на Мальдивы хочет!

Все в столовой взрываются смехом.

А мне жалко Саньку — чисто по-человечески. Он ведь в душе врач, настоящий. Ему неважно, кто перед ним — бандит или ребёнок. Он переживает за каждого, в ком есть набор изученных на парах органов и приписанная религией душа.

— Как вчера? Много вызовов было? — спрашиваю у Людмилы (фельдшера).

— Видала, какой гололёд на улицах? Ушибленных — вагон и маленькая тележка! — возмущённо отвечает. Её негодование направлено не на людей, неосторожно шагающих по льду, а на городские власти, которые не могут посыпать дорожки.

— Ничего, девчонки! — с оптимизмом, улыбаясь, подходит к нам Фёдор (врач). Он широко раскидывает руки, обнимает нас обоих за плечи и слегка трясёт, чтобы взбодрить. — Весна скоро, лёд растает! Ушибленных станет меньше. Начнётся сезон обострений у шизофреников, потом — летний сезон кишечных инфекций. — Смеётся, отпускает нас и уходит из столовой.

И в чём он не прав? Для врачей скорой помощи круглый год работы хватает. То какой-нибудь пациент засунет бутылку в прямую кишку, то взорвёт петарду прямо в руке. То ДТП на дороге, то пожар в частном секторе, то пьяная драка, то подростки, употребившие синтетические наркотики.

Хорошо хоть Новый год отгуляли — период травм от китайских фейерверков закончился.

У обычных людей год делится на сезоны: зима, весна, лето, осень. А у врачей — так, как сказал Фёдор.

Оставив в холодильнике контейнер с обедом, который приготовила на скорую руку сегодня утром, бегу принимать медикаменты и готовить аппаратуру для выездов.

Саньку привлекаю к помощи — пусть учится. Доверяю ему сбор укладок.

Первый вызов кидают нам — отправляют на место ДТП. По предварительной информации, пострадал только водитель, ударился лицом о руль — нужно осмотреть.

Это в нашем городе — стандартная ситуация. Особенно зимой, когда дороги покрыты льдом. Да и летом ДТП хватает: местные жители уверены, что у них «контракт с Богом» на бесконечные жизни, и гоняют как сумасшедшие — вылетают на встречную полосу, чтобы обогнать, устраивают ночной дрифт у центрального кольца. Летом к бесшабашным водителям автомобилей добавляются ещё и «хрустики» (байкеры), любители погонять на самокатах по тротуарам и сбивать прохожих, а также роллеры, скейтеры и прочая «нечесть», предпочитающая кататься по дорогам.

Чемодан, мигалки— погнали.

Оказалось, что водителю стало плохо за рулём. Кровь изо рта — не от удара, а оттого, что мужчина прикусил язык во

время эпилептического припадка.

Только заглянув в салон, я резко задерживаю дыхание: пахнет перегаром, кровью и продуктами жизнедеятельности взрослого мужского организма.

Картина ясна. Мужчина с тяжёлого похмелья поехал по делам — или за добавкой. Организм дал сигнал, что вести машину в таком состоянии невозможно. Случился приступ, во время которого пациент потерял сознание и опорожнился.

— Блять, — озвучивает Санька мои мысли.

— Что «блять»? — строго спрашиваю, чтобы он взял себя в руки. — Перчатки, маску надел — и вперёд! По инструкции! — команду.

Чтобы подавить рвотные позывы, тоже требуется немалая практика.

Перекладываем пациента на землю рядом с машиной, провожу первичный осмотр и необходимые манипуляции:

Оцениваю уровень сознания;

Проверяю проходимость дыхательных путей;

Санька измеряет пульс, АД, сатурацию;

Осматриваю ротовую полость, проверяю наличие прикушенного языка;

Привожу мужика в чувства при помощи аммиака, ввожу диазепам.

Грузим пациента в карету, везём в больницу.

Главное — живой! А штаны постирает, язык заживёт, может, и пить бросит. Ему вообще нельзя — с его эпилепсией.

Сдаём пациента, заполняю сопроводительную документацию. Санька в это время курит на крыльце больницы.

Выхожу к нему.

— Ты как?

— Пойдёт, — улыбается он.

Ну вот и хорошо.

Прыгаем в машину — поступает следующий вызов: «огнестрельное ранение, мужчина без сознания, нашёл случайный прохожий в канаве».

Свет, музыка — выдвигаемся.

Что-то и правда много криминальных случаев стало. Что ни день — обязательно несколько убийств.

Чтобы осмотреть раненого, необходимо спуститься в канаву, где среди мусора, выброшенного из проезжающих автомобилей, собачьих экскрементов, на застывшей от мороза воде и грязи лежит тело.

Самой бы не убиться и чемодан не разбить. Там препараты за порчу которых могут с работы уволить.

Скольжу ботинками по склону, пытаюсь сохранить равновесие, чемодан двумя руками к груди прижимаю. Санька быстрее спускается, в несколько прыжков в самый низ спрыгивает, и руку мне подаёт.

Осматриваем тело.

Видимых признаков жизни — ноль.

Вся кожаная куртка на спине — как решето от пуль. Необходимо снять её, чтобы провести осмотр.

Рядом на дороге тормозит полицейская машина с мигалками.

Мельком замечаю приветственную улыбку знакомого оперативника — воспоминания о прошедшей ночи огнём разливаются под кожей. Сосредотачиваюсь на пациенте.

Экг выдает слабый пульс едва уловимый.

Живой!

Большая кровопотеря, плюс повреждения внутренних органов. Смотрю на расположение кровавых отметин на его широкой спине. Позвоночник не задет. Неосознанно женское начало отмечает прекрасную фигуру и мощные мышцы.

Так, мужик, не знаю, кому ты там дорогу перешёл, но умирать не вздумай, понял?

Сообщаю в рацию о ситуации, слышу в ответ что машин реанимации свободных нет, все на выезде.

Санька слышит это и уже бежит навверх к машине за носилками.

Грузим раненого в карету, укладываем на спину.

Массаж сердца.

Подключаем ивл.

Не работает!

Санька кричит:

– Остановка!

Заряжаю дефибриллятор. Саша снимает с пациента маску, убирает руки от тела.

— Внимание, разряд! — громко и чётко объявляю. Приложив электроды в нужном положении, подаю импульс.

Мужчина дёргается, открывает глаза, впивается в моё лицо ясным, осознанным взглядом. Завораживает красотой небесно-голубых глаз — и снова теряет сознание.

Завели!

Теперь главное — довести до больницы.

Ввожу катетер в периферическую вену, подключаю капельницу с кровезамещающим препаратом.

Вены у него красивые, обтягивают мышцы на руках. Как и сам пациент — красивый мужчина. Очень.

Санек следит за показателями на мониторах — пульсом и давлением.

Обрабатываю раны антисептиком, накладываю временные повязки и укрываю мужчину теплым одеялом.

Неизвестно сколько времени он пролежал на морозе.

— Тоже бандит, наверное, — вслух говорю, не сводя с него глаз, слегка покачиваясь на поворотах.

Антон знает свою работу — доставит в лучшем виде. Главное, чтобы мы не допустили ошибок.

— Главарь, — согласно кивает Санька.

— Откуда знаешь?

— Татуировку на плече видишь? По ней определил. При-

чём сидевший.

— Когда уже это всё закончится?! — вздыхаю с болезненной обидой.

— Когда они город поделят, — отвечает фельдшер.

— Ну, выходит, что поделили. Если ты говоришь, что это главарь, — снова смотрю на лицо незнакомого мужчины в маске.

— Если выживет, всё только начнётся.

— Сань, а у тебя откуда такие познания?

— Новости смотрю, — отвечает он с смущённой улыбкой.

— Выживет, — бросаю уверенно после недолгой паузы. Беру руку пациента в свою, провожу большим пальцем по запястью, на котором выбита чёрными чернилами дата рождения.

Документов у него при себе не оказалось, Санек все карманы кожаной куртки обыскал. Поэтому никаких сведений о его имени. Только возраст.

Глава 5

Закидываю в микроволновку контейнер с гречкой. Пока разогревается, высыпаю в пожелтевшую изнутри от чая кружку пакетик растворимого кофе «3 в 1», заливаю кипятком из только что вскипевшего чайника.

В столовой пахнет как в купе поезда — отвратительно. Кто-то разогрел курицу, а кому-то жена заботливо упаковала на работу тушёную капусту.

Санька с аппетитом уничтожает покупной сэндвич с лососем, расправившись с ним за три укуса. Запивает это всё колой и бежит на улицу, чтобы успеть покурить пока нас не дёрнули.

Постепенно в столовой никого не остаётся. Врачи и фельдшера, подзаправившись домашней едой и весёлым общением, разбредаются по машинам.

Оставшись одна, набираю номер Миши.

— Какие люди! — восклицает парень, едва не лишая меня слуха. — Довезли раненого?

— А ты сомневался? — усмехаюсь, делаю небольшой глоток горячего кофе. — Известно что-нибудь о нём?

— Кроме того, что это главарь группировки? Ничего что я мог бы тебе рассказать. Ты слишком быстро примчалась на вызов...

— Нужно было дать ему сдохнуть?

— Было бы неплохо. Знаешь, сколько людей пострадало от его рук?

Мгновенно вспоминаю те самые руки — с венами, как лианами, и чёрными цифрами на запястье.

— Мне всё равно, — резко и честно. — Моя работа — спасать людей. А твоя — бороться с преступностью.

— Берёмся, малая, боремся, — философски грустно. — Так что, увидимся сегодня?

— Я на сутках.

— Тогда завтра?

— Если что, наберу. — Отключаю звонок.

Наверное, секс — единственное, что мне теперь нравится. Оргазмы и поцелуи расслабляют, снимают усталость и нервное напряжение. Лучше всего для коротких встреч подходят люди, работающие в госструктурах, так как они регулярно проходят медкомиссии, и вероятность заразиться какой-нибудь дрянью очень мала. Но не равна нулю.

В эпоху, когда стало модным ходить к психологам и психиатрам, люди всё ещё не до конца осознают важность медицинского заключения о состоянии здоровья. Спрашивать у парней или у девушек результаты анализов на ВИЧ-инфекции до сих пор непозволительно и чревато полным отказом от близости.

Не все про презервативы вспоминают в порыве страсти, что уж говорить.

Надеюсь, что в ближайшее время до людей дойдёт, что подобное требование — не попытка унижить или обидеть, а забота о здоровье. Ведь даже оральный секс с инфицированным партнёром может привести к плачевным последствиям.

Раньше походы к психиатрам считали отклонением, сейчас об этом открыто говорят. Может, скоро дойдут и до справок.

В столовую заглядывает главврач подстанции — лысый

старый мужик с пятнами лентиги на щеках и на макушке, Лев Андреевич. Работает по инерции, ждёт пенсию, поэтому особо в жизнь подстанции не вмешивается.

— А я как раз тебя ищу, — говорит, прикрывая за собой дверь.

По блестящему в глазах ожиданию ругани понимаю, что разговор будет нелёгким.

— Вам повезло, я как раз собиралась уходить.

— По поводу работы... — начинает смело, но тут же сникает. — Поступил приказ об отстранении тебя от работы на время расследования по делу о смерти жены депутата. — Тяжело вздыхает, поджимает бесцветные губы. — Так что сдавай смену и езжай домой.

— Они совсем обдолбанные? — взрываюсь, потеряв лицо от нервов. — Врачей и так не хватает! В городе непонятно что происходит, каждый второй вызов — огнестрел! А они убирают меня?

— Грачёва, я знаю! Думаешь, я не понимаю? — разделяя мои эмоции, негодует Лев Андреевич. — Но есть приказ, я не могу допустить тебя к работе, — разводит руками. — По-

дожди немного, разберутся — и вернёшься к работе. Тебя же не уволили!

— Сколько ждать? Они могут годами расследовать. Мне дома сидеть это время? А коммуналку мне кто оплатит? — Вымещаю свои переживания на главного, как на единственного причастного к моему отстранению. — Я спасла жизнь ребёнку! За что меня наказывают?

— Грачева, прекрати истерику! — рявкает главврач. — Сказал же, разберутся! А пока прими это как спонтанный отпуск. Отдыхай, Рита. — Приказывает, спешит удалиться, чтобы не пришлось и дальше выслушивать мои возмущения.

Пустота в голове.

Пустота вокруг.

Я как будто одна среди океана. Дрейфую на волнах обстоятельств, и никто не может протянуть руку.

— Да пошли вы все! — рычу со злостью от обиды.

Правда, обидно. До боли в душе. Я живу своей работой, терплю все неудобства, каждодневно сталкиваюсь с трудностями и лишением обычной жизни — ради чего? Чтобы меня пнули под зад из-за того, что кто-то считает, что его же-

на важнее ребёнка? Из-за того, что кому-то власть позволяет унижать и выкручивать руки?

Да, я могла спасти ту женщину. Могла! Она бы сейчас была жива, если бы я оставила пацана умирать. Нет, я бы не изменила своего решения, даже если бы знала, чем всё обернётся.

Вылетаю из столовой, выхожу на улицу. У машины ждут Антон с Санькой.

— Дальше без меня, — сообщаю, подходя ближе.

— Как это? — фельдшер испуганно выкатывает глаза, как будто перед внезапным экзаменом.

Лицо водителя также отражает вопрос, но он мужик опытный — уже и сам всё понял. Поэтому просто смотрит сочувственно, мысленно проклиная вышестоящих.

— А вот так, Сань! — психую. — Решили, что ты достаточно опытный, чтобы самому работать. — Почти истерически. Осознаю в моменте, что пугаю парнишку ещё сильнее. И то, что мои личные проблемы его не касаются — как и пациентов, к которым ему придётся ехать. Беру себя в руки. — Сань, не переживай, ладно? Соберись! Ты всё умеешь, всё

знаешь. Справишься! — Обнимаю парня за талию. — Придётся справиться, сам понимаешь, выбора у тебя нет. Если что, я всегда на связи — звони. Или мне, или вон Анне Петровне: она в своё время и мне по телефону помогала советами.

— Надолго в отпуск? — спрашивает водитель.

Отпускаю Саньку, обнадеживаю парнишку поддерживающей улыбкой.

— Не знаю. Может, навсегда, — повернувшись к Андрею, отвечаю.

— Нелюди, — с глубокой горечью выплёвывает. — Скоро все врачи разбегутся — работать некому будет, — ворчит.

Будет, Антон, будет. Врачей скорой помощи всегда не хватало, но всегда находились самые отмороженные, готовые жертвовать личной жизнью и здоровьем ради вот этой романтики, что складывается из трудностей, опыта, страха, адреналина, кофе «3 в 1» на бегу и непередаваемого кайфа, когда успеваешь спасти.

Я за два года успела подсесть. Не представляю свою жизнь без сирены и особого аромата медикаментов в машине, когда

включается печка и салон прогревается.

Кажется, что буду скучать даже по бесформенной рабочей зимней форме, что вечно большая, так как маленьких размеров давно не предоставляют. Буду скучать по грубым, но тёплым казённым сапогам.

— Ладно, мальчишки, — стараюсь улыбнуться, опуская голову в воротник, чтобы шея не мёрзла. — Звоните, если что.

Пожелала бы удачи, но это запрещено. Считается, что пожелание хорошей смены или удачи может дать обратный эффект.

— Рит, давай хоть до дома подвезём, — предлагает Антон.

На улице мороз, тротуары скользкие. А так доеду как королева — на личной карете с водителем.

— Только давай не домой, а в больницу, куда мужика с огнестрелом отвозили.

Раз у меня теперь полно свободного времени, навещу его. Хочется верить в то, что он выжил и на данный момент на-

слаждается вниманием медсестричек в послеоперационной палате.

Уже на подъезде к больнице Сане приходит вызов: «Девушка, 22 года, вагинальное кровотечение».

Пятая точка огнём горит. Как Санька справится? Всё ли сделает правильно? Не засмущается, если девушка вдруг красивая окажется?

Почему я за это переживаю, а не руководство, что решило бросить парнишку, как пушечное мясо, одного на борьбу с болезнями?

Запрещаю себе переживать.

Выхожу из кареты у шлагбаума перед больницей, напоследок даю указания Саньке, на что обратить внимание в первую очередь при работе с пациенткой.

С тяжёлым сердцем провожаю машину скорой взглядом.

В больнице удаётся поговорить с врачом приёмного отделения. Тот же мужик, что принимал пострадавшего.

— А вы с какой целью интересуетесь? Родственница? —

прищулив один глаз, буравит меня пристальным взглядом.

— Я его из канавы вытаскивала и откачивала, хочется знать, что не напрасно, — признаюсь, надеясь на человечность.

— А-а, узнаю. Вы же его привезли. Не хочу вас огорчать, но пациент скончался.

— Вы уверены? Он был стабилен!

— Больше ничем не могу вам помочь. Меня ждут пациенты, — выпроваживает меня взглядом и интонацией. Растворяется в коридоре, а я остаюсь на месте, медленно опускаюсь на лавочку приёмного отделения.

Не верится, что он умер.

Но такое происходит.

И всё равно почему-то тошно.

Решаю, что если сегодня напьюсь, то совесть не посмеет возразить, так как день выдался дерьмовым и желание выпить кажется оправданным.

Еду домой на автобусе. Днём не так много пассажиров, удаётся даже занять свободное место у окна. Задумчиво люблюсь снежным бархатом, окутавшим родной город. Солнце холодное, яркое, не греет совсем. Только подсвечивает прозрачно-белые снежинки, играет мерцающими переливами на снегу. Уставшие дворники, махая лопатами, разгребают тротуары, создавая снежные сугробы на радость детям. Те, вооружившись лопатками поменьше, уже роют туннель с другой стороны хрупкого замка. Краснощёкие, с жидкими соплями до подбородка, мальчишки и девчонки работают слаженно, с задором и весельем. Вызывают улыбки ностальгии у прохожих по их собственному детству.

А я ничего не чувствую. Ни веселья, ни грусти, ни радости.

Вижу в этих детях предполагаемое обморожение рук — у тех, кто без перчаток, гребёт снег голыми руками. Цистит — у девочки, что сидит на льду в одних колготках, без зимних штанов. И кишечную инфекцию — у другой, что ест грязный снег у дороги.

И всё же тонкая стрела вонзается в сердце, в гниющую рану, в самое место нарыва.

Точно напьюсь. Желательно среди людей, чтобы не уйти в

уныние и хоть немного забыть о своём горе. Поеду в местный клуб — там музыка настолько громкая, что своих мыслей не слышишь.

Для походов в клубы и бары в моём шкафу имеются всего два платья: чёрное и бежевое. Сегодня траурное настроение, поэтому выбор падает на чёрное короткое платье на тонких бретельках. Окутываю ноги в чёрный капрон, обуваю свои бесформенные зимние сапоги, сверху накидываю длинный чёрный пуховик.

Пока собиралась, допила вино, принесённое Мишей в прошлый раз.

В такси прошу водителя сделать музыку громче и пою во весь голос, танцуя на заднем сиденье. Только чтобы себя не слышать, не думать о прошлом и будущем, о том, как дальше жить без работы. Хорошо, если не посадят. Депутат крепко вцепился, будет ломать меня и мою жизнь до последнего, пока от Риты Грачёвой ничего не останется. Отстранение — только начало конца.

В клубе занимаю место за барной стойкой, закинув ногу на ногу, подсознательно привлекая спутника на ночь. Заказываю мартини, неторопливо пью. Остаток от зарплаты на карте необходимо растянуть до конца месяца, а бокал коктейля в клубе стоит как целая бутылка в алкомаркете.

Как ни пытаюсь отпустить мысли о потере работы, не получается. После одного бокала достаю из сумочки телефон, нахожу в списке контактов номер бывшего. Прикидываю в уме, насколько сильно меня прижало и стоит ли ему звонить.

Вадим занимает должность в администрации города. Дружит с мэром и губернатором. Если захочет, может повлиять на любой процесс.

В последний раз мы с ним общались три года назад — на похоронах.

Мартини в крови требует добавки и толкает к действиям. Опынение твердит о том, что за спрос не быют, и даже если Вадим откажет в помощи, кроме испорченного наглухо настроя, ничего не случится.

Решаюсь.

Нажимаю зелёный значок вызова, прижимаю телефон к уху. Жестом прошу бармена повторить коктейль.

Бывший не берёт трубку.

Когда длинные гудки становятся невыносимы, убираю те-

лефон от уха и слышу из трубки мужской голос — тот, что давно, в прошлой жизни, был самым родным и любимым.

— Привет, — говорю неуверенно, вернув телефон к уху.

— Что хотела? — бьёт наотмашь грубым тоном.

— Вадим, у меня проблемы. Меня отстранили от работы...

— Я знаю, — холодным, как лезвие ножа, отрезающим надежду на помощь голосом.

— Ты можешь что-то с этим сделать? — спрашиваю, хотя уже поняла, что он палец о палец не ударит ради меня. Если бы хотел, уже бы вмешался.

— Давай на чистоту, — с ненавистью. Не с той, что была раньше, а с настоявшейся, выдержанной. — Ты мне никто. Я не хочу тебя знать. Уяснила?

— Ты очень доступно объяснил, спасибо, — отключаю звонок, возвращаю телефон в сумку. Залпом выпиваю новую порцию martini и решаюсь потратить последние деньги на добавку. Хуже уже не будет.

Почему мне хватило сил, чтобы не возненавидеть его, а ему — нет?

Жду, когда бармен закончит обслуживать парней в другом конце стойки и обратит на меня внимание. Хочу выпить. Плевать, что на последние деньги.

— Позволь угостить, — горячий мужской шёпот касается моего затылка, касается волос и забирает себе запах шампуня.

Глава 6

Обернувшись, изучаю незнакомого мужчину. Его бармен заметил сразу, материализовался рядом и уже внимательно слушает заказ, не переспрашивая, как будто у него только одна попытка на выполнение задания.

Мужчина высокий, стройный. Жгучий брюнет с карими, почти черными глазами и смуглой кожей. В его внешности есть что-то восточное, возможно арабское. Происхождение выдают не только чёрные волосы и смуглость кожи, но и потрясающе объёмные красивые губы.

Потрясает взгляд, с которым он смотрит на бармена, на меня, на людей вокруг.

Как сытый лев, заглянувший к зайчатам на огонёк.

С королевским пренебрежением и предупреждением, что все расслабляются только до тех пор, пока он не проголодается.

Красивый мужчина. Его красота редкая, естественная, не смазливая.

Я имею слабость к красивым мужчинам.

Будучи в отношениях с Вадимом, даже смотреть в сторону других не смела. Спустя год после трагедии и развода устроилась по специальности на скорую. И только ещё спустя год работы позволила себе жить, открыв для себя двери в мир чувственных удовольствий, которые теперь никак не закро-

ются.

— Акмаль, — представляется мужчина и садится на соседний стул.

Не заметила, в какой момент место освободилось: ещё секунду назад оно было занято другим парнем.

— Рита, — отвечаю, улыбнувшись.

— Я тебя знаю, — склонив голову немного вправо, впирается в мои глаза пристальным взглядом.

На нём чёрная рубашка, обтягивающая тело и выдающая рельеф каждого мускула, с небрежно расстёгнутым воротником, и чёрные джинсы.

— Откуда? — беру новый martini и отпиваю.

— Видел твоё интервью.

— Не знала, что оно уже вышло, — кисло улыбаюсь.

Ясно. Мужчина подошёл только чтобы выразить уважение или, наоборот, осудить мои слова, произнесённые на камеру. На продолжение знакомства можно не рассчитывать. Да и выглядит он слишком уж серьёзно. Как будто работает здесь, а не отдыхает.

— Я слышал, что у тебя возникли проблемы после спасения жизней во время теракта, — произносит низким голосом, тихим, но твёрдым — настолько, что я слышу каждое слово, несмотря на расстояние и музыку.

— Меня отстранили от работы на время следствия.

— Фамилия депутата — Останин?

— Именно, — киваю, отпивая ещё martini.

Акмаль наблюдает за мной, не торопится уходить и больше не задаёт вопросов. Просто смотрит — только на меня, как будто в клубе больше никого нет.

Становится неловко. Я как будто под прицелом снайперской винтовки.

Встаю.

— Спасибо за коктейль, — бросаю на прощание. Он оплатил все порции мартини, что я успела выпить.

Акмаль тоже встаёт. Резко, решительно. Врезается грудью в меня, вырастает стеной, отрезая пути.

— Поедешь ко мне? — обжигая висок горячим дыханием, сбивая с ног крепким ароматом парфюма и невидимой силой, призывающей трепетать и подчиняться.

— Поеду, — без раздумий.

У парня чёрный джип с наглухо тонированными стёклами, даже лобовое. И как только гаишники пропускают?

В салоне тепло, приятно пахнет мужским одеколоном, дорогими духами и полиролью.

Едем долго, за город, в частный сектор.

Снимаю тяжёлые зимние сапоги, вытягиваю ноги на приборную панель.

— Соблазняешь? — усмехается Акмаль, оценив взглядом мои ножки.

— Получается? — улыбаюсь, засмотревшись на сильные руки, сжимающие кожаный руль.

— Ты соблазнила меня ещё во время интервью, — при-

знаётся. — Наверное, проходу нет от пациентов?

— Пациенты чаще всего не в состоянии соблазняться. Да и выгляжу я на работе совсем не так, как сейчас.

— Я бы посмотрел на тебя в халате медсестры, — улыбаясь, закусывает край нижней губы.

Этот жест не уходит от моего взгляда. Будоражит фантазию и подстегивает возбуждение. Скорее бы доехать и попробовать его губы на вкус. Испытать их чувствительность на своей коже.

— Это к медсёстрам в больницу. Я не ношу халат на работе.

Он отвечает загадочной улыбкой и стальным блеском в тёмных глазах. Ему похер на мою работу.

Загоняет машину во двор двухэтажного коттеджа. На входе встречает охрана, вооружённая до зубов. Это странно. Даже страшно.

Только сейчас замечаю в боковое зеркало, что следом за нами заезжает чёрный «гелик» без номеров, такой же тонированный. Это его круглые фары мелькали всю дорогу сзади.

Дурные мысли проникают в голову, хлещут сознание вместе с чувством самосохранения. Акмаль выходит из машины, даёт знак, чтобы все отошли, открывает пассажирскую дверь и подаёт руку.

Во что я вляпалась?

Надеваю сапоги, выхожу.

— Эти тоже с нами будут? — спрашиваю, окинув взгля-

дом рассредоточившихся по периметру мужчин.

— Эти просто охраняют, — отвечает Акмаль, держа меня за руку. — Не бойся. Пока они рядом, ты в безопасности.

Его слова могли бы утешить, если бы не понимание, что я иду за руку в логово к какому-то криминальному авторитету. Могу только представить, что меня ждёт внутри дома.

— Проходи, я схожу за мартини, — помогает снять пуховик. Не приказывает, но дает понять, что выбора у меня нет.

Дом большой и холодный. Неуютный. Воздух прохладный, как будто отопление отключено. Пахнет приятно — дорогим диффузором с ароматом кофе и дерева.

Прохожу мимо множества открытых дверей, по пути ныряя взглядом в каждую комнату. Свет зажигается одновременно с моими нерешительными шагами вглубь дома.

Интуитивно прихожу в зал. Свет тут же загорается, но не весь — только настенные светильники. Этого хватает, чтобы всё видеть, но сохранять таинственность и секреты, притаившиеся в углах.

У стены стоит чёрное пианино. Музыкальный инструмент привлекает меня больше всего. Не помню, когда в последний раз играла.

Папа был учителем музыки в гимназии. Научил играть на пианино и всё детство мучил меня сольфеджио. Мама была медсестрой. Назло отцовскому нажиму я поступила в медицинский... Семьи не стало, но руки до сих пор помнят клавиши.

Сажусь на скамью возле пианино, открываю крышку. Инструмент идеально настроен. С третьей попытки удаётся вспомнить любимую мелодию и набрать необходимую скорость.

Шаги за спиной напрягают. Дёргаю руки, обернувшись, встречаю Акмаля смущённым взглядом.

Он ставит на крышку пианино бутылку мартини и два бокала, один из которых уже наполнен минеральной водой.

— А ты? — спрашиваю, наблюдая, как мартини разливается по дну второго бокала.

— Не пью. — Протягивает наполненный бокал, пристально следит за тем, как я делаю несколько глотков. Забирает его из моих рук и возвращает на крышку. — Продолжай, у тебя хорошо получается. — Садится рядом на скамейку.

— Нет, я ужасно играю, — смеюсь смущённо. — Может, ты?

— Я играю только когда есть настроение. А сейчас хочу послушать тебя, — понизив голос на последней фразе, сладким жаром обдаёт мою фантазию.

Вытягиваю руки над клавишами, опускаю пальцы и отпускаю тревогу.

Акмаль сидит так близко, что наши плечи соприкасаются. Не сводя прицела чёрных глаз, он разглядывает моё лицо. Его ладонь ложится на моё плечо. Спокойно. Уверенно. Как на то, что уже принадлежит ему.

Гладит кожу пальцами — легонько, щекотно, до мурашек

приятно. Гладит мою шею, едва касаясь подушечками пальцев, нежно, заставляя внутренности сжиматься от предвкушения.

Сбиваюсь. Перестаю играть.

— Продолжай, — приказывает, и я чувствую мочкой уха его горячее дыхание.

Начинаю заново, пытаюсь сосредоточиться на клавишах, но это невозможно. Акмаль поддевает пальцем тонкую бретельку моего платья и медленно тянет её вниз. Ткань соскальзывает, обнажая плечо и грудь.

Прохладный воздух касается тёплой кожи. Я продолжаю играть, сбиваясь, но не останавливаясь. Его ладони уверенно и властно скользят по моему телу, лаская, сжимая, заставляя каждую клеточку отвечать огнём. Он проводит пальцами по нежной коже, задает свой ритм, не оставляя мне шансов на сопротивление.

Кожей на плече чувствую его горячее дыхание. Изнываю от желания, но продолжаю нажимать на клавиши, наполняя пространство музыкой.

Удовлетворив первый порыв, он опускает ладонь ниже, на моё бедро, проводя под платьем. Властным жестом находит край тонких кружевных трусиков, соскальзывает под них, вплетаясь пальцами в самое сердце моего возбуждения. Удовлетворённо рычит в моё плечо, едва ощутимо прикусывая кожу.

Ощущение его ладони, хозяйской, сильной и горячей, за-

ставляет меня окончательно потерять контроль.

Ба-а-ам.

Втыкаю обе ладони в клавиши, откинувшись спиной на его вторую руку, обнимающую талию. Содрогаюсь в неконтролируемой волне восторга, уткнувшись лицом в его рубашку на плече, глотаю его запах, пропитанный опасностью и дорогим парфюмом.

Акмаль встаёт со скамейки, тянет меня за собой и усаживает прямо на крышку пианино. Следующим движением он медленно снимает с меня кружевные трусики. Наматывает эту тонкую ткань на руку, подносит к лицу, прикрывая глаза и глубоко вдыхая мой аромат, будто запечатывая этот момент в памяти. Он не выбрасывает их — оставляет намотанными на запястье, словно свой трофей.

Он встаёт между моих коленей, сжимает бёдра, разводя их шире, и впивается в меня тёмным, голодным взглядом.

Слышу звон металлической бляшки ремня. Неожиданно резко он подается вперед, подтягивает меня к себе и врывается одним единым, мощным движением, заполняя меня целиком до предела.

— Я чист, — произносит спокойно и уверенно, не давая мне опомниться.

— Боже... — хнычу, прижав рот ладошкой, чтобы не кричать.

Его присутствие во мне чувствуется невероятно остро. Каждое движение — глубинное, мощное, на грани с боля-

щим удовольствием. Но как только он чуть замедляется, тело сводит судорогой от желания испытать этот напор снова.

— Привыкнешь, — бросает с жестокой улыбкой.

Обнимаю его талию ногами. Ещё один уверенный толчок. Насквозь прошибает горячим потом. Теряю рассудок.

Слёзы скатываются по щекам от переизбытка эмоций. Его власть заставляет раствориться, подчиниться. Он словно командует не только моим телом, но и моими чувствами, заставляя желать ещё и ещё.

Смотрю в его лицо, ласкаю взглядом объёмные губы. Сердце заходится на виражах. Каждый его шаг навстречу, каждый глубокий нажим пробивает до самой сути.

Акмаль жёстче впивается пальцами в мои бёдра, задавая неистовый, беспощадный темп.

— Ты меня с ума сведёшь... — хнычу в изнеможении.

Он беззвучно смеётся, сверкнув пламенем в чёрных глазах. Двигается уверенно, полностью владея ситуацией. Я ощущаю невероятную силу в каждом его движении. Тело напряжено, я едва успеваю дышать.

— Расслабься, — приказывает жёстко, наращивая напор. — Иначе мы прободрствуем так до утра.

Угроза действует. Делаю глубокий вдох, затем выдох. Расслабляю тело — и тут же прокатывается первая огненная волна пикового наслаждения, следом вторая. Низ живота сводит сладостной судорогой.

— Да! — вырывается у меня помимо воли.

Это мощнее всего, что я пробовала до этого. Дёргаюсь в его руках, пытаюсь удержаться за его плечи, ползу спиной по крышке пианино. Тело пробивает насквозь отточенным кайфом. Трясусь, плачу от избытка чувств.

Акмаль подтягивает меня за ноги обратно к себе, удерживая на клавишах, и безжалостно возвращает в этот безумный ритм страсти, вбивая разряд за разрядом.

Наслаждение длится вечность. Немеет разум, в глазах темнеет, я бью ладонью по клавишам, извлекая хаотичные глухие звуки.

Тело отдаёт последнюю волну и полностью расслабляется. Я обмякаю в его руках.

Акмаль делает еще несколько глубоких, финальных движений, вглядываясь в мои глаза:

— Контрацептивы принимаешь? — спрашивает холодным, рассудительным тоном.

Киваю.

Он накрывает меня последним, самым сильным импульсом, даря глубокое, обжигающее тепло внутри, от которого мурашки бегут по всему телу.

Затем он неторопливо отстраняется, приводит себя в порядок, застёгивает ремень. Я же не могу пошевелиться. Внутри всё пылает приятным жаром.

— Ты невероятный, — шепчу сбивчиво.

Акмаль подносит к моей щеке руку, на которую всё так же намотаны мои шелковистые трусики, заглядывает в глаза,

словно ища в них что-то важное. Затем опускает веки, прижимается к моим губам своими — долгожданным, глубоким поцелуем, и я окончательно растворяюсь, пробуя его на вкус.

Глава 7

Не отрывая головы от подушки, наощупь беру оружий телефон с тумбочки. Провожу пальцем по экрану, чтобы отключить будильник. Меня отстранили от работы — нет никакой необходимости рано вставать. Буду спать до обеда. Или вообще до вечера. Или до весны.

Но будильник не отключается.

Приходится открыть глаза и взглянуть в экран. Вместо будильника звонит Лев Андреевич собственной персоной.

— Да, слушаю, — сиплю в трубку и сажусь.

— Грачёва, ты почему ещё не на работе? — возмущённо, с наглым наездом.

— Андреевич, ты напился? Какая работа? Ты сам велел мне идти отдыхать.

— А теперь говорю: через полчаса быть на подстанции! — приказывает, излишне волнуясь. — Дело закрыли. Провели быструю проверку, не нашли в твоих действиях состава преступления, — смягчившись, сообщает.

— Я тут при чём? — сонно зеваю. Обида ещё дёргает за нервы. — Я вам не мячик для пинг-понга. Туда-обратно прыгать не собираюсь. Сказали отдыхать — я отдыхаю! — выливаю злость на начальника за то, что даже не попытался меня отстоять.

— Хорошо, Грачёва. Отдыхай сегодня. Но завтра, будь добра, явись на работу!

— Я подумаю, — отвечаю и убираю телефон обратно на тумбочку. — Старый козёл! — ругаюсь, вставая с постели.

Вчера перебрала с мартини. Похмельный синдром, беспощадный и безжалостный, накрывает медным тазом.

Акмаль отвёз меня домой после секса на пианино. Не сам, конечно. Поручил это дело своим мордоворотам. Довезли меня до дома на Гелике, высадили у подъезда и, не обронив ни слова, испарились.

С того момента прошло часа четыре, а мои проблемы уже решились.

Кто же он такой? С кем я провела эту ночь? И во что в очередной раз вляпалась?

Решаю отложить все мыслительные процессы до восстановления мозговой активности. Выпиваю сорбент и раствор Регидрона для детоксикации и восстановления водно-электролитного баланса при похмелье. Обещаю себе и всему человечеству больше не пить, падаю обратно в кровать, заворачиваюсь в одеяло и засыпаю.

Утром следующего дня, на станции меня встречают улыбками и дружескими объятиями. У нас тут особенное братство — можно сказать, секта, одержимых романтикой скорой помощи и запахом физраствора.

Санька улыбается. Счастливый.

Обниматься не лезет, приветственных речей не говорит — молча искренне радуется моему возвращению.

Но утреннее распределение даёт сбой в его планах работать вместе. На смену не вышел один из врачей — вроде как заболел. Саньку отправляют с Андреем по вчерашней схеме, решив, что бригада из молодого фельдшера и водителя — отличная идея. Меня отправляют вместо заболевшего врача — тоже одну.

Распределение противоречит всяческим уставам и правилам, но у Льва Анатольевича нет выбора. Он предупреждает

диспетчеров отправлять нам неосложнённые вызовы.

— Ну как ты? Справился вчера? — интересуюсь у Сани. Мы вместе выходим на улицу и останавливаемся у машин скорой помощи.

— Да вроде, — с кислой улыбкой.

— Я не сомневалась! — подбадриваю. — Ты и сам отлично все знаешь.

— Это да, но всё равно... Без тебя не то. С тобой как-то спокойнее, что ли. Приятнее работать.

— Ничего, Санек, привыкнешь, — улыбаюсь ему. Кивком здороваюсь с Андреем, прохожу мимо, запрыгиваю в салон к Валентину.

С Вале́й я уже ездила. Как водитель — хороший, знает все переулки и объездные пути в городе, но как человек... Слишком болтать любит. Обо всём и ни о чём — вместо радио. Это интересно и даже прикольно примерно до обеда. А потом ждёшь, когда смена закончится, чтобы хоть немного отдохнуть от его голоса.

Ещё Валентин хорошо расставляет границы. Он только

водитель — не помощник, не грузчик, не санитар. Даже если возникает необходимость транспортировки больного на носилках, а в бригаде только женщины, он просто разведёт руками: «Моё дело — баранку крутить, а дальше сами».

Как водителя я его понимаю: не хочет надрывать спину, за это не платят. Но как человека...

Не успеваю дойти до машины — приходит вызов: «Девушка, 17 лет, боли в животе».

Обычное дело. Отравление или воспаление по гинекологии. Надеюсь, что ничего более серьёзного, потому что я сегодня совершенно одна.

Валя подъезжает к самому подъезду по запаркованной дворовой территории. Покидаю машину под его эмоциональные рассуждения о халатности жильцов дома: скорая кое-как проехала, а если будет пожар, то все сгорят, потому что пожарная машина в разы больше и не подъедет при всём желании.

Только первый вызов, а Валентин уже надоел. Я тоже понимаю, что так нельзя делать — всегда должен быть проезд к домам для экстренных служб. Но людям-то что делать? Парковаться в другом районе? Тут вопросы к администрации го-

рода, почему не сделают больше парковок?

Держу мысли при себе — иначе этот разговор будет длиться до конца смены. А так как я сегодня на сутках, то это целый день и ночь в компании водителя.

В квартиру меня впускает молодая женщина, примерно моя ровесница. Но из-за того что слишком боится приближающейся старости, выглядит куда хуже. Иногда попытки растянуть молодость оборачиваются трагедией и портят облик. Особенно когда у женщин не хватает средств на дорогие процедуры в хороших клиниках и они идут туда, где подешевле.

Так и сейчас, передо мной стоит женщина в леопардовом халате, с ярко-чёрными блестящими волосами, с густыми и неестественно длинными ресницами — как будто у куклы оторвали пластмассовые толстые и ей наклеили. Губы — ужас просто: неровные, с комками геля внутри. Брови — татуаж, тоже не самый лучший: ни цвет, ни форма не подходят, ещё и криво сделанные.

— Кому плохо? — спрашиваю. Я здесь не для советов о внешности. Поэтому быстро переключаю внимание и собираюсь внутренне.

— В комнате. Вы обувь-то снимайте, чай не в бомжатник

пришли! — не выпускает меня дальше прихожей, воинственно преградив путь. — Я полы только вчера помыла.

У нас говорят, что если в доме, куда вызвали помощь, требуют разуться, значит, помощь там и не нужна. Когда человеку реально плохо, нас встречают стоя у подъезда или у ворот, поторапливают, не смотрят на отпечатки грязи на дорогах коврах. А тут...

— Я не имею права разуваться — это устав, — строго, без лишних эмоций.

— На улице грязь! У вас все сапоги в снегу! Я вас не пущу в обуви. Вы в приличную квартиру пришли, а не к наркоманам. Так что разуйтесь, — не отступает женщина.

— Я сейчас развернусь и уйду. Укажу в карте вызова, что вы препятствуете оказанию помощи, — так же спокойно, но заметно повысив голос.

Правда, уеду. Ну не силой же мне ломиться в квартиру! А вдруг там на самом деле помощь требуется? Уеду, а потом прилетит вызов на констатацию.

— А-а-а-а! — доносится истошный женский вопль из комнаты.

Блять.

Я знаю, в каких моментах девушки так кричат. Толкаю плечом женщину, бегу на крики. Мороз по позвоночнику струится. Хоть бы не то, о чём я думаю!

— Я на вас жалобу напишу! Вы же мне тут всё затопали!
— бежит следом ненормальная.

В комнате на кровати лежит совсем юная девушка, слегка полноватая, светловолосая, с круглыми щечками. Лицо такое детское, заплаканное, измученное. В глазах — потеря интереса к жизни, потухший взгляд, говорящий о том, что пациентка готова умереть.

Только не в мою смену!

Чемодан на пол. Откидываю в сторону одеяло, ошарашенно впиваюсь взглядом в лужу крови на простыне. Слишком много для месячных. Кровотечение, которое немедленно нужно остановить. Но помимо этого у девушки напряжённый, «каменный» беременный живот.

Новая схватка. Она прижимает руки к животу и истошно орёт.

Я теряюсь. На несколько секунд, но кажется — на целую

вечность. Я ни разу не принимала роды. В моей практике такого ещё не было — всегда успевали довести рожениц до роддома.

Надеваю перчатки, задираю вверх платье, пропитанное кровью, пальпирую живот. Он каменный, не расслабляется. По размеру — месяцев на шесть.

Готовлю медикаменты, измеряю давление, пульс, сатурацию.

— Какой срок беременности? — спрашиваю, снимая с девушки мокрые от крови трусы.

— Шестой, — хрипит та, найдя в себе силы.

— Чем вызваны преждевременные роды? Акушер ставил угрозу беременности? — стараюсь не напугать её интонацией, хотя саму до дрожи шарашит.

Если я не смогу, то и молодая мама, и ребёнок погибнут.

«Нужно смочь, Рита!» — хлещу себя по щекам мысленно.

Девушка смотрит на женщину, с болью и диким страхом, отворачивается лицом в подушку и кусает наволочку. Ещё одна схватка. Интервал слишком короткий.

— Ноги в коленях согни, — говорю уверенно. Страшно, но мозг работает.

Ввожу два пальца во влагалище, натываюсь на шейку матки. Заврыта. Ни малейшего раскрытия.

При этом организм буквально торопится вытолкнуть плод.

Вываскиваю руку, сдёргиваю перчатки, бросаю на пол.

Прослушиваю сердцебиение плода через стетоскоп. Слабое.

— Воды отошли?— спрашиваю строго и твердо.

Девчонка кивает.

Ввожу кровоостанавливающие препараты.

Достаю рацию, сообщаю о ситуации, прошу предупредить четвёртый роддом, самый ближайший, чтобы готовились к приёму. При благоприятном раскладе там смогут спасти и мать, и ребёнка. А моя задача на данный момент — не допустить критической кровопотери у пациентки.

— Ну, что с ней? — интересуется мать девушки, услышав о роддоме, моментально изменив настроение.

Я не понимаю: она под чем-то? У неё дочь в крови орёт от боли, а она за чистоту полов беспокоилась.

— Угроза выкидыша, — сообщаю. — Идите, соседей поднимайте — нужно вашу девочку на носилках в машину спустить.

— А вы сами не можете?

Я? Одна? Она издевается?

— Как вы это себе представляете? — терпение на нуле.

— Ну вы же скорая! Вы и несите! При чём тут соседи? Да и нет никого, все на работе!

— Сможешь идти? — спрашиваю у девушки, но сама вижу, что нет.

Схватки прекратились, она немного отдышалась.

— Мне мама таблетки дала... для прерывания беременности, — признаётся.

Бросаю на женщину уничтожающий взгляд.

— Какие таблетки? Название!

— Не помню я! Мне врач посоветовал — косметолог. Я к

ней уже два года хожу губы делать. Ну а что вы так смотрите? Мне всего 32! Какая я бабушка?! Я эту родила в пятнадцать, только жить начала, а она мне в подоле принесла! И скрывала всё это время! Если бы сразу сказала, сразу бы от ребёнка избавились.

Пиздец. Ну просто пиздец.

Сочувственно смотрю на девушку.

Она уже теряет сознание.

Мне разорваться? Не могу от неё отойти, а нужно бежать за носилками и искать тех, кто поможет спустить пациентку.

— Лучше быть молодой бабушкой, чем вообще без детей!
— рычу ей в лицо. — Дура! Твоя дочь сейчас умрёт! Беги в машину за носилками! Живо! — ору не своим голосом.

Опять будут проверки, жалобы, разбирательства. Да за одни такие слова могут нахлобучить.

Мамаша, видимо, только такой тон и понимает: срывается из квартиры, бежит прямо в халате на улицу.
Для контроля измеряю давление пациентки.
Падает.

Черт! Где же мамаша с помощью?!

Женщина возвращается с каким-то мужчиной, который держит носилки. Мужчина один. Хотя бы что-то.

Раскладываю носилки.

Мужчина помогает переместить девушку.

— Помогите! — ору на мать.

Та надевает куртку, берётся за один край носилок. Но не может поднять — сил не хватает.

Зажимаю ручку чемодана в одной руке, второй помогаю поднять носилки. Хорошо, что третий этаж — не последний.

Втроём спускаемся по лестнице. Носилки больно давят на руку до онемения. Пальцев, сжимающих ручку чемодана, уже не чувствую.

Грузим девушку в машину. Сразу закрываю дверь, подключаю её к монитору витальных функций, ввожу капельницу с физраствором для восполнения объёма циркулирующей крови. Надеваю на девчонку маску с подачей кислорода.

Замечаю, что мы стоим на месте.

Стучу в окошко, разделяющее салон от водителя:

— Валя, чё стоим?

— Да олень какой-то проезд перегородил, не отъезжает!

— Иди разбирайся! — кричу на него.

Каждая минута на счету. Девушка теряет сознание.

— Нет, маленькая, не смей! — сую ей под нос ватку с аммиаком. — Держись, немного осталось!

Готовлю шпич с адреналином на случай реанимации.

Валя выходит из машины, идёт к перегородившей двор машине, стучит в окно.

Там мужик из тех, кому похер на других. Для него есть только он и его близкие, а остальных людей в мире не существует.

Не хочет отъезжать, быкует. Говорит, что нам нужно всего пять минут подождать — сейчас его жена спустится, и они уедут. А если сейчас со двора выйдет, то ему придётся целый круг делать, чтобы вернуться.

Пять минут? А если его жена еще пол часа собираться будет?

Через десять минут у меня на руках будет два трупа — матери и ребёнка!

На помощь приходит мать девушки. Бросается на водите-

ля, стучит в стекло, орёт, по имени называет. Видимо, знакома с соседом.

Мужик уезжает.

Валя возвращается за руль.

Мамаша хочет в салон запрыгнуть.

Понимаю, что мешать будет. И отказаться не имею права: пациентка несовершеннолетняя, мать — её законный представитель.

Но её присутствие в машине в данный момент я расцениваю как угрозу жизни и здоровью пациентки.

Захлопываю дверь перед её носом.

Пусть жалуется куда хочет.

Свет, музыка — погнали.

Только бы довезти.

«Держись, маленькая. Я просто врач. Такая же девчонка, как и ты. Я не бог, и нет у меня сверхспособностей. Я делаю

всё, что могу. Ты только сама не сдавайся».

Монитору показатели, слежу за давлением, за частотой дыхания.

Схваток больше нет, кровь не идет.

На девчонка совсем плохая, давление ниже некуда, постоянно отключается.

Связываюсь по рации с роддомом, передаю возраст пациентки, симптомы, порядок проведённых мероприятий и приблизительное время прибытия.

Про себя думаю только о том, чтобы довезти.

Держись, маленькая.

В приёмном уже ждут, переключают на каталку, увозят.

Довезла.

Дыхание дрожит. Ни рук, ни ног не чувствую. Все силы испарились. Только сейчас осознаю, что всё позади. Дальше жизнь пациентки зависит от врачей роддома. Моя миссия окончена.

Возвращаюсь в машину, сажусь на переднее сиденье, докладываю в рацию сведения о происшествии, чтобы передали сигнал в полицию. Мать девушки должна ответить по закону — из-за неё пострадал человек. И пусть проверят этого косметолога, раздающего советы.

Удивляет, как девушке удавалось скрывать беременность все эти месяцы. Ответ на этот вопрос лежит на поверхности: мать занималась своей жизнью, на дочь не обращала внимания. Родители часто так делают. Приходят с работы, видят, что ребёнок дома, жив, вроде здоров, обязанности по дому выполнил — и этого достаточно.

— На станцию. «Помыться» нужно.— Бросаю водителю пристегивая ремень безопасности. Куртка в крови, нельзя на следующий вызов ехать.

— Как девчонка? — спрашивает Валентин. — Успели?

— Успели. — Чем больше прихожу в себя, тем сильнее чувствую боль в руке. Скорее всего, растянула связки, когда носилки тащила. Кистью шевелить больно. Надо будет после смены показаться травматологу.

— Выживет?

Странный вопрос. Заводит в тупик.

— Думаю, да. Скорее всего, прокесарят. Ребёнка в кювез, а её — стабилизируют.

— М-да, соплюха ещё, а всю жизнь себе испортила! Если ребёнок выживет, будет до конца жизни одна тащить инва-

лида тащить.

— Почему инвалида-то? — возмущённо. — Это лет 15 назад с недоношенными сложно было. А сейчас другое время — и не таких выхаживают. Кюезы в роддомах позволяет поддерживать совсем крошечных. Ребёнок вырастет и ничем не будет отличаться от сверстников. Да и девчонка найдёт ещё мужчину. Мало что ли таких?

— Это каким же оленем надо быть, чтобы бабу с прицепом в жены брать?! Я бы никогда! Это же чужой ребёнок. Она нагуляла, а мужик должен его обеспечивать?

— Это твоё мнение, Валь. Но кто-то думает по-другому. Некоторые мужчины готовы брать на себя ответственность и живут вполне счастливо. Ты не можешь их осуждать — так же, как и я не могу осуждать тебя за твой выбор.

Нет, после моих слов Валентин не затих. До вечера глушил фактами о том, почему чужих детей не стоит принимать в семью. Похоже, что-то личное задела. Может, в молодости был влюблён в девушку, а она оказалась с ребёнком. Сам не смог принять — и теперь осуждает тех, кто может.

До утра больше сложных вызовов не было: несколько температур, поскользнувшиеся на льду (вполне удачно, без тя-

жёлых травм) и одно отравление.

На станции встречаюсь с Львом Андреевичем.

— Грачёва, ты можешь нормально работать?! — орёт.

Ага, ясно. Мать девушки уже нажаловалась.

— В чём дело? — изображаю непонимание.

— Пациентку в роддом отвозила — ни одного документа не заполнила!

Точно. Я даже паспорт и полис не спросила для заполнения. Не до этого было.

— Был бы со мной фельдшер, он бы заполнил! А я жизнь спасала, — огрызаюсь.

— Грачёва, не хами! Все как-то успевают документацию заполнять. Ты не одна такая, кому приходится без фельдшера ездить. В следующий раз будь внимательнее!

— Андреевич, — слегка поджав губы, — там ещё ситуация произошла. — Решаю предупредить мужика, чтобы был готов к жалобам. — Я матери пациентки нахамила и в ма-

шину её не пустила.

— Грачёва! — вопит, вскидывая руки к небу (потолку), словно просит помощи у высших сил. — Мне полгода до пенсии осталось, ну дай ты мне спокойно доработать! Ты и так на карандаше — не в твоей ситуации нарушать правила!

— Не в моей ситуации было тратить время на документацию и на мать пациентки, — твёрдо. Даже не пытаюсь оправдываться.

— Допрыгаешься, Грачева, помани мое слово! Допрыгаешься!

— Лев Анатольевич, известно что-то о девушке? — перебиваю.

— Выжила. Ребенка тоже спасли.

Горло сжимает спазм радости.

Все было не зря.

Сдаю смену, выхожу на улицу. Раннее утро, ещё темно. Телефон звонит — беру трубку.

— Малая, увидимся? — спрашивает Миша.

Умиляет и даже смешит его привычка называть меня малой. Я ведь старше.

Сейчас вообще не до свиданий. Домой бы добраться, по-

мыться и выспаться. Рука ещё болит. Но в травму сегодня не поеду — слишком устала.

— Я только с суток. Буду отсыпаться.

— Ну так за день выспишься, а вечером заскочу. Сериал твой вместе посмотрим.

— Ладно, я вечером наберу, когда проснусь, — обещаю и отключаюсь.

«Не в этот раз, опер».

Вечером придумаю что-нибудь и солью его.

Иду пешком на остановку, мысленно набираю горячую воду в ванну.

Визг шин позади пугает.

Останавливаюсь, оборачиваюсь, щурюсь от ослепляющего глаза света фар. Из-за яркого света почти ничего не вижу. Слышу только, как открывается дверь и шаги тяжёлых ботинок по снегу.

Разум орёт о том, что нужно бежать, а тело противится

любой физической активности. После смены сил практически не осталось.

Когда два мужских силуэта в свете фар приближаются, силы мгновенно появляются. Бросаюсь бежать — и чувствую, как крепкие мужские руки впиваются в плечи.

— Спокойно, не рыпайся, — угрожающим тоном, от которого душа в пятки уходит.

— Отпустите немедленно! — повышаю голос, пытаюсь вырваться, размахивая руками.

— Сказал же, не рыпаться!

Острый удар кулаком в живот заставляет заткнуться и сложиться пополам от боли и невозможности дышать.

— Ты чё, сказали же — тихо, аккуратно! — ругает один бандюган второго.

— Так я тихо, — холодным тоном отвечает. — Зато спокойно доедем.

Подхватывают с двух сторон под руки, тащат меня к машине, затапливают на заднее сиденье.

Глава 8

– Конечная, – сообщает водитель, обернувшись на заднее сиденье, блеснув серебряной коронкой между губ.

Двое бандитов, что сидят по обе стороны от меня, вытаскивают на улицу.

Метель разбушевалась не на шутку. Снежные вихри кружат в безумном танце, заслоняя мир белой пеленой. Ветер воет, словно голодный зверь, швыряя в лицо колючие снежинки, а сугробы растут с каждой минутой, будто живые существа, стремящиеся поглотить всё вокруг. Если бы не эти двое, что держат меня под руки, меня бы уже унесло в эту снежную пучину.

Зато солнце уже встало. Пока мы ехали, и я могу разглядеть дом, в который меня привезли.

Ожидания не оправдались. Я уже понадеялась, что это Акмаль любезно пригласил позавтракать. Но этот дом я вижу впервые. Одноэтажный, не такой большой, как у того бандита.

Меня заводят в дом и отпускают.

– Иди, – подталкивают в спину.

Куда? Зачем? Объяснили бы...

Ступаю осторожно, нерешительно. Иду по коридору, ведущему в неизвестность. Поджилки трясутся.

Мысли, разные, неуёмные, крутятся в голове. Что кому-то нужна медицинская помощь и меня привезли спасти раненого бандюгана – но почему меня? А не, например, опытного врача Фёдора? Федя латал бандитов ещё в 90-х. Мужик на скорой работает дольше, чем я живу. А может, это Останин мстит за жену? Не получилось по закону расквитаться – решил таким способом.

В любом случае ничего хорошего.

Сейчас бы оперу позвонить. Немного стыдно стало за мысли о том, что хотела его отшить. Но мордовороты отобрали сумку с телефоном ещё в машине, даже ключи от квартиры из кармана куртки вытащили при несанкционированном обыске, пока я приходила в себя после удара в живот.

Подходя к концу коридора, немного торможу, оглядыва-

юсь назад. Те двое ещё стоят, сцепив руки в районе паха. Следят, чтобы не сбежала. А куда бежать? Только стены, пол, потолок и два выхода. В обоих – жопа.

Захожу в большой темный зал. Тяжёлые шторы до самого пола, плотно задвинуты. В глаза бросается разожжённый камин. Огненные танцы пламени отражаются в мраморном полу, создавая видимость пожара. Это единственный источник света.

Здесь тепло и... пахнет женскими духами. Ароматом жасмина и зелёного чая. Примерно такие духи были у моей мамы – она их обожала. Помню, как в моём детстве все женщины города разом сошли с ума от запаха зелёного чая, и все пахли одинаково.

– Как доехала? – женский голос, возникший из утопающего в сумраке кресла, окутывает пространство.

– Спасибо, хорошо, – отвечаю в никуда, так как ещё не вижу собеседника.

– Надеюсь, мои мальчики тебя не напугали? – в тени кресла происходит движение. Девушка встаёт, выходит на свет от камина.

Она совсем молодая для таких духов. Младше меня.

Стройная, очень высокая. С насыщенно-рыжими, гладкими, длинными волосами, что в каменном свете кажутся огненно-красными.

Красивая. По-дорогому красивая. Умеет и любит за собой ухаживать.

– Напугали их методы приглашения подвезти, – резко. Я всё ещё не понимаю, кто она и для каких целей меня сюда притащили.

– Хм, – усмехается, слегка растянув красивые губы. – Прости их, они иногда бывают грубыми. Но это часть их работы.

– Зачем меня привезли? – с осторожностью, выжидая подвоха, как будто в любую минуту на меня могут накинуться, слежу за каждым её движением. Я врач, а не борцуха. Бороться и драться не умею. Я спасаю людей, а не дерусь с ними. И до этого момента ни разу не приходилось задумываться о том, чтобы прокачать навыки самообороны. Возможно, если знала хотя-бы пару приемов, сумела бы отбиться от бандитов, что меня привезли.

– Я хотела на тебя посмотреть, – в её приторно-сладком голосе засквозил яд ненависти. – Признаться, я совершенно

по-другому тебя представляла.

– Пятидесятилетней врачом?

– Наоборот. Я думала, ты красивее.

Оскорбления? Что я ей сделала?

– В следующий раз, если захочешь встретиться, звони 112.

– Не дерзи, – приказывает, срываясь. – Я просто пытаюсь понять, что в тебе настолько привлекло моего братика, что он привёз тебя в свой дом. В дом, туда, где живут, впускают только самых близких.

– Акмаль? – озаряет догадка.

– Он даже имя своё назвал, удивительно, – хмыкает с претензией.

Они даже внешне не похожи. Какая она сестра? Хотя так иногда бывает, что родные братья и сёстры могут кардинально отличаться внешне. Гены – очень сложная вещь.

– Я после суток очень устала. Могу ехать домой, раз просмотр закончился?

– Ты наглая. Акмалю такие не нравятся. Он любит, когда девушки молча опускаются на колени, чтобы целовать его ботинки. Не понимаю! Ты даже внешне не в его вкусе.

– Серьёзно? Ты похитила человека, чтобы просто посмотреть, с кем трахался твой брат?

– Я беспокоюсь о своей семье, – натянув губки, улыбается.
– Ладно, можешь ехать. Но предупреждаю: держись от моего братика подальше. Если он появится ещё раз, испарись, исчезни, хоть убейся!

Разве бывает такая ревность к братьям? Думаю, что нет.

– С радостью! – смело и дерзко. Развернувшись, покидаю зал, быстрыми шагами иду по коридору обратно.

Слишком дорого мне обходится секс на пианино. Приходится расплачиваться нервными клетками, страхом и лишением сна. Я бы уже давно спала в своей постели, но приходится добираться до дома в метель.

Бандиты вывезли меня за пределы посёлка и высадили на первой остановке. В такую погоду автобусы практически не ходят. Вероятность, что я дождусь транспорт, равна тому,

что я окоченею от холода и мой труп обнаружат только весной, когда снег растает.

Мётёт так, что автобусная остановка стремительно превращается в большой сугроб. Снежные хлопья падают густо, словно пытаются похоронить всё живое под своим белым покрывалом. Ветер пронизывает до костей, а видимость сокращается до нескольких метров – кажется, будто мир за пределами этого снежного вихря просто исчез. Как на зло, нет ни одной машины. Я не знаю, где нахожусь и в какую сторону двигаться, чтобы выйти на более оживлённую трассу.

Да и сомневаюсь, что смогу дойти. На остановке я хотя бы могу спрятаться от ветра, а выйду – и точно пополню списки пропавших без вести.

Уже не чувствую рук. Ногам не просто холодно – они болят от мороза. Я ощущаю, как замерзают кости в пальцах. Пытаюсь прыгать, стучать пятками и носками о землю, чтобы разогнать кровь. Но она остывает.

Что нужно делать в таких ситуациях?

Звонить в службу спасения! Не стесняться, не бояться, что будут ругать за ложный вызов. Когда есть угроза жизни – а смерть от переохлаждения как раз является угрозой, – они

обязаны отреагировать и спасти.

Достаю телефон из сумки. Пальцы заоченели, не сгибаются. Сенсорный экран не реагирует на прикосновение холодных рук. Пытаюсь согреть их дыханием. Трясёт уже так, что это больше похоже на удары электричества, чем на дрожь от холода.

Отогрев немного пальцы, включаю телефон...

Чёрный мёртвый экран говорит о том, что мобильник сдох от мороза.

– Нет, пожалуйста, включайся! – почти плача, зажимаю кнопку включения, но всё без толку.

Пиздец. Просто пиздец!

Ходить и прыгать уже нет сил. Знаю, что нужно, заставляю себя через силу. Всё время выглядываю из сугроба, в который превращается остановка, на дорогу – в надежде увидеть хоть какой-то автомобиль. Я готова выпрыгнуть ему навстречу, бросаться под колёса, только бы подобрали. Пусть даже если там окажется маньяк-наильник.

Но машин нет. Как и дороги. Снега столько, что кругом одни сугробы.

Сутки без сна после тяжёлой смены давят на мозг совместно с холодом. Засыпать нельзя. Смерть от переохлаждения всегда наступает во сне. Нельзя спать на морозе!

Сколько алкашей я лично спасала! Когда перебравшие алкоголя мужики, упав в снег по пути домой, не могли подняться и засыпали...

Нельзя спать.

Сажусь на сугроб в том месте, где была лавочка, откидываюсь спиной к стене остановки. Вжав голову в воротник куртки, закрываю глаза.

Мысленно прокручиваю, как это происходит.

Смерть от переохлаждения наступает постепенно, проходя несколько стадий.

Сначала — фаза компенсации. Тело ещё борется: кожа краснеет, озноб бьёт, сердце стучит чаще, дыхание учащается. Я ещё могу двигаться, говорить. Но это обманчивое ощущение силы — организм уже тратит последние резервы.

Потом — фаза неполной компенсации. Температура падает до 35 °С. Кожа бледнеет. Формируется расстройство регионарного кровообращения: кровь уходит к внутренним органам, конечности начинают неметь. Появляются первые сбои в координации — качаю ногами, а ноги будто чужие.

Мысли путаются. Сознание ещё держится, но уже словно сквозь туман.

Далее — фаза декомпенсации. Температура опускается ниже 32 °С. Дрожь прекращается — это плохой знак. Я уже не дрожу. Мышцы сковываются, пальцы не слушаются. Сердце бьётся всё реже, дыхание — поверхностное, едва заметное. В голове — вязкая тяжесть, будто мозг утопает в холоде. Я понимаю, что надо двигаться, но тело уже не подчиняется.

И наконец — фаза парализации, сон.

Я чувствую, как веки становятся невыносимо тяжёлыми. Хочется просто закрыть глаза и отдохнуть. Всего на минуту. Ведь так тепло... хотя откуда тепло? Вокруг метель, мороз, а мне вдруг кажется, что я накрыта мягким пледом, что где-то рядом горит камин.

Это обман.

Тело больше не дрожит. Мышцы расслабились. Сознание тает, словно растаявший снег. В ушах — тихий звон, будто далёкие колокольчики. Мысли расплываются, теряют форму. Уже не помню, где я, зачем здесь. Только ощущение покоя, убаюкивающего, смертельного покоя.

«Нельзя спать», — всплывает последняя ясная мысль.

Но веки уже сомкнулись.

А потом — темнота. Тишина.

Только ветер заносит снег на неподвижное тело, постепенно превращая его в безликий сугроб.

Глава 9

Моё тело обжигает горячий алкоголь. Яркий запах спирта режет слизистую носа и немедленно возвращает в сознание.

Жёлтый тёплый свет. Деревянные стены, каменная печька... Я в сознании, но ещё слабо реагирую на происходящее.

Голая. Совершенно голая. В парилке.

Моё тело безжалостно растирают водкой крепкие мужские руки — так старательно, что кожа горит огнём. Кажется, скоро загорится.

— Пришла в себя? — раздаётся незнакомый мужской голос. Я не вижу его лица, только руки. Взгляд цепляется за чёрную татуировку на запястье с цифрами. — Сейчас ещё пару поддам, быстро согреешься.

Мужчина плескает воду из ковшика на камни. Шипящий пар наполняет пространство, удушливым жаром проникает в лёгкие, обжигает изнутри.

— Ну как, легче? — он наклоняется, заглядывая в моё лицо.

Небесно-голубые глаза словно сверлят душу.

Сознание полностью восстанавливается. Я прикрываю руками грудь, свожу колени вместе.

Передо мной мужчина в футболке и спортивных штанах. Слишком живой и подвижный для трупа. Слишком активный для раненого.

Он замечает моё стеснение, берёт с верхней полки приготовленную простыню и заворачивает меня в неё — осторожно, словно пеленает младенца.

— Что ещё нужно? Скажи, как тебе помочь? — в голосе искренняя тревога.

— Водки налей, — шепчу.

Нужно принять внутрь горячее питье — чай или хотя бы воду. Но сейчас мне лучше покрепче.

Он протягивает бутылку дорогой марки — такие я видела в витринах алкогольных магазинов. Одна бутылка стоит как половина моей зарплаты. И он вылил это, чтобы растереть моё тело...

Делаю несколько глотков с горла и тут же задыхаюсь от огня, обжигающего горло. Алкоголь нагрелся в парилке — теперь это не водка, а почти спирт.

Мужик протягивает ковшик с чистой водой, чтобы запить.

— Тебе нельзя в баню, раны загноятся, — вспоминаю отверстия от пуль на его спине, что я своими руками обрабатывала.

Он улыбается в ответ:

— Со мной врач. Спасёшь меня ещё раз? — подмигивает.

— Нет, правда, выйди, — настаиваю, уже представив сепсис. — Я в норме.

— Точно?

— Да.

Он уходит.

Я делаю ещё несколько глотков из бутылки. Расслабляюсь, полностью согреваюсь. Пьянею моментально.

Пытаюсь оценить своё состояние и чувствительность конечностей. Вроде всё работает. Кожные покровы не изменены. Руки и ноги покраснели от жара, но двигаются. Пневмонии тоже не чувствую. Хотя неизвестно, что будет завтра. Зависит от того, сколько я проспала на остановке до того, как меня спасли.

Сижу в парилке ещё немного, затем выхожу в зону отдыха. Здесь кожаные диваны, бильярдный стол, большой телевизор и холодильник. Не баня, а городская сауна. Неплохо было бы узнать, где я нахожусь и в какой части города.

В комнате отдыха никого нет. На одном из диванов разложен большой чёрный махровый халат — очевидно, мужской. Разматываю простыню, надеваю халат. Он на мне как шуба — большой и тёплый. Приятно пахнет свежестью порошка после стирки.

Нахожу полку с различными банными шапками из войлока. Вытаскиваю первую попавшуюся и надеваю на голову. А вот обуви нет. Никакой.

Сидеть в бане и ждать, когда за мной вернутся, нет сил. Выхожу на улицу, ступаю голыми пятками по снегу.

Пар с кожи испаряется, развеивается в морозном зимнем

воздухе.

Окинув взглядом заснеженные ели, возвышающиеся за высоким забором, делаю вывод: я за городом.

На территории полно вооружённых мужиков. И все они, до единого, увидев меня, отворачиваются как по команде, чтобы случайно не зацепить взглядом. Замирают ледяными статуями, не шелохнутся.

— Ты чего босиком по снегу?! — рычит мой спаситель, ругаясь. Сам в одной футболке, мокрой от пара после парилки. — Не могла пять минут подождать? — ворчит, поднимая на руки. Хрустя ботинками по снегу, несёт в дом.

Откуда силы? Ещё недавно я реанимировала его, заводила остановившееся сердце...

Похоже, бандиты как собаки — быстро выздоравливают.

В тот момент, когда за его спиной закрывается дверь, успеваю заметить: головорезы во дворе только сейчас повернулись и ожили, стали двигаться.

Парень несёт меня по лестнице на второй этаж. По сжатым губам и напряжению в теле понимаю, что ему больно, но он терпит.

Ставит меня на ноги только в комнате.

— Тебе нужно выспаться, — звучит как приказ.

— Мне нужно домой, — возражаю я.

— Потом я тебя отвезу, куда скажешь. А сейчас отдыхай,
— его пристальный взгляд заставляет повиноваться.

Он уходит.

Дергаю ручку двери, проверяю, не заперта ли она. Нет. Я не в заложниках. Просто в гостях.

Становится легче.

Большая кровать со светлым постельным бельём и огромным пуховым одеялом манит теплотой и уютом. Как и сама комната — тёплая, светлая. Островок теплоты среди жестокой зимы.

Снимаю халат и ныряю под одеяло. Постельное бельё приятно пахнет сладким, нежным ароматом кондиционера. Ткань нежная, мягкая — окутывает тело, уносит в царство спокойного, безмятежного сна.

Растянувшись под одеялом, громко зеваю, потягиваясь во все стороны. Сколько я проспала? Наверное, несколько суток — чувствую себя прекрасно, полной сил. Может, загородный воздух, насыщенный кислородом, так влияет, а может, предшествующий стресс. Но спала я как убитая и полностью восстановилась.

Дико хочется есть.

Выглядываю в окно, отодвинув солнечно-жёлтую штору. На улице вечер. Освещённый уличными фонарями двор всё так же кишит охраной. Улыбаюсь, вспоминая, как они стояли по струнке, когда я вышла из бани, — как срочники перед генералом. Оказывается, это приятно.

Надеваю халат-шубу и выхожу из комнаты. Тихонько, стараясь никого не разбудить, спускаюсь по лестнице в поисках кухни и чего-нибудь съестного.

— Блять, дура! — гневно орёт уже знакомый голос со второго этажа.

Срываюсь обратно, бегу вверх по лестнице, по коридору — к закрытой двери, из щели которой по полу тянется жёлтая полоска света.

Не решаюсь сразу ворваться.

— Прости, Артём, я случайно, — трепещет женский тонкий голосок.

— Заткнись и делай свою работу! Ещё раз так надавишь — оторву тебе руки! — приказывает Артём.

По голосу слышно что парень безумно зол. И ему больно. У меня небольшой опыт работы на скорой, но я уже могу отличить, когда человек рычит или стонет от боли. Эту интонацию нужно не только слышать — чувствовать.

Открываю дверь — к счастью, она не заперта.

Артём сидит на стуле у стола, на котором разложены перевязочные материалы. Девушка — совсем молодая медсестричка в белом сексуальном халатике — неумело, дрожа, боясь вновь сделать больно, обрабатывает раны на его спине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.